

РУССКАЯ МОЗАИКА

ВИКТОРИЯ
БАЛАШОВА

МАСТЕР
НОВОГО
ВРЕМЕНИ

Русская мозаика

Виктория Балашова
Мастер нового времени

«Автор»

2023

Балашова В.

Мастер нового времени / В. Балашова — «Автор»,
2023 — (Русская мозаика)

Воланд и его компания снова в городе! Неожиданно жизнь поэта Кучерявого делает крутой поворот. Несмотря на то, что он поэт, причем, малоизвестный, ему заказывают роман и обещают заплатить огромный гонорар. Только содержание у романа довольно странное. А еще, на время написания ему придется бросить пить, пройдя курс лечения в элитной психушке, где он знакомится с весьма специфической компанией, которая... планирует вывести на чистую воду убийцу! В то же время по Москве прокатывается волна необычных событий, и все они связаны с современным литературным миром столицы.

© Балашова В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

12 декабря 1926 года	6
Часть первая. В изгнании	7
Глава 1. 7 апреля, четверг	8
Глава 2. Вечер того же дня	13
Глава 3. 8 апреля, пятница	16
Глава 4. В тот же день	20
Глава 5. 9 апреля, суббота	27
Глава 6. 11 апреля, понедельник	33
Часть вторая. «Бесовщина какая-то...»	40
Глава 1. Примерно с 13 апреля	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктория Балашова

Мастер нового времени

Хочешь окунуться в атмосферу романа, воспользуйся QR-кодом.

12 декабря 1926 года

– Да мало ли в Москве психиатрических больниц? – Профессор поправил очки и окинул собравшихся внимательным взглядом. Не прочитав на их лицах ничего, кроме полного непонимания смысла заданного вопроса, он продолжил: – Мало! Катастрофически мало! Народ массово нуждается в лечении, которого мы предоставить ему не имеем возможности!

Присутствующие недоверчиво закачали головами. Понятное дело, например, грипп. Вероятно, народ действительно нуждается в лечении гриппа. Но чтоб он так уж нуждался в вправлении, грубо говоря, мозгов, это вряд ли.

– В последнее время попадают, прямо скажем, запутаннейшие случаи. – Профессор сверился с бумажкой, лежавшей перед ним на кафедре. – Отдельные товарищи, задумавшись над основополагающими, можно сказать, вопросами бытия, не справляются с нахлынувшими мыслями и сходят, как говорят в простонародье, с ума. Задача медицины – им помочь. Поместив, конечно, предварительно в специализированное психиатрическое заведение. А таковых, товарищи, как я сказал выше, в Москве не хватает.

– С решением основополагающих вопросов должна помогать не психушка, а партийная ячейка, – раздался чей-то голос. По залу пробежал одобрителный шепоток.

– Роль партийной ячейки никто и не умаляет, – профессор откашлялся, – но если человек зашел в своих размышлениях о добре и зле, о Боге и Дьяволе в тупик, если он видит в простых событиях, происходящих в его жизни, участие сил сверхъестественных, то тут, боюсь, на помощь может прийти только психиатр.

– Гнать такого мыслителя надо взашей, а не лечить, – пробормотал один из присутствовавших. Сидевший неподалеку от него человек одобрително кивнул. «Лечить смысла не имеет, это точно», – подумал он про себя и направился к выходу.

Заседание Московского общества психиатров дальше продолжалось без него...

Часть первая. В изгнании

*Вообще не бывает так, чтобы всё стало, как было.
(М. Булгаков)*

Глава 1. 7 апреля, четверг

За неимением лучшего сегодня поэт Кучерявый пил мартини. Бутылку ему подарила какая-то женщина на творческом вечере в прошлом году. И теперь, когда в квартире не оказалось ни грамма ничего более приличного, оставалось только пить эту гадость, выдержавшую нашествие толп поэтов, художников и даже, прости господи, прозаиков. Последних в плане выпить Кучерявый полагал за самых неприхотливых.

Первый стакан прошел, как ни странно, неплохо. Невольник чести закусил огурцом, подернутым легкой белой патиной – не патиной, конечно, а простой, обывательской плесенью, но патина звучала чуток поэтичнее и придавала феерии оттенок художественности. Однако второй стакан мартини пошел хуже, если не сказать, хреново. Маленько затошнило и пришлось признать напиток все-таки вредным для организма, не успевшего окрепнуть после вчерашнего застолья в чебуречной, которое потом перешло в рюмочную и еще куда-то.

– Поэт должен пить крепкое! – Кучерявый стукнул кулаком по столу и тут вспомнил причину вчерашних возлияний. Его совсем не кучерявая голова упала с размаху на стол. Поэт зарыдал, осознавая всю глубину своего отчаянного положения. – Выгнали! Выгнали чиновники от литературы! Выгнали большущий, неординарный талант! – вопил он. – Стыдно, господа, стыдно должно быть!

Кучерявый поднял голову и утерся рукавом рубашки. Именно в этот момент раздался звонок в дверь. Ничего удивительного – к Кучерявому могли нагрянуть коллеги-поэты и прочая творческая интеллигенция в любое время дня и ночи. Более того, Кучерявого звонок даже обрадовал: прибывшие могли принести водки и закуски, а если бы и не принесли, то он бы отправил их в магазин, причем, за их же счет. Собрав подрастраченные во время стенаний силы в кулак, Кучерявый встал, держась за спинку расшатанного стула, который из-за своего состояния служил весьма хлипкой опорой хозяину. Стул в очередной раз сдюжил. Поэт оторвался от спинки и отправился в коридор. Так как шел он медленно, то решил кричать:

– Иду-иду, кого там черти принесли!

Звонить перестали, видимо, набравшись терпения. Кучерявый повозился с замком и распахнул дверь, чуть не вывалившись наружу. Гости, а их насчитывалось четыре человека плюс кот, поддержали поэта, не дав ему упасть, и дружно, практически внеся хозяина, вошли в квартиру. Кота спустили с рук на пол.

– Простите, не припомню, – попытался сконцентрироваться Кучерявый. – Фантасты? Косплеите? – понимая, что его сейчас стошнит, он в последнем рывке выкрикнул: – Водки принесли?!

Жестом фокусника тот гость, что был в длинной черной мантии с красным подкладом, вынул откуда-то литрушечку.

– Пойдемте, милейший Арнольд Христофорович. Поговорим, – сказал он ласково.

За водку Кучерявый готов был говорить о чем угодно и согласно кивнул. Второй гость, смутно напомнивший поэту самого себя (лет около сорока, худощавый, невысокого роста, а главное, казалось, всегда пьяненький), подхватил его под левую руку. А под правую подхватил тоже низенький, ярко-рыжий, постоянно ухмыляющийся и прихрамывающий парень помоложе. Из-за этой ухмылки Кучерявый сразу заметил передний верхний зуб гостя, сильно выпирающий вперед. Так под руки его и внесли обратно на кухню. На столе появилась водка, а единственная женщина в компании («Весьма эффектная», – отметил про себя поэт, несмотря на не совсем хорошо фокусирующийся взгляд) принялась класть на тарелки огурчики, капустку квашенную, яблочки моченые, колбаску, неведомо откуда доставая провизию. Тот, что был в плаще, вынул какие-то бумаги из потрёпанного кожаного портфеля.

– Вот договорчик у нас тут для вас. Надеемся сговориться.

В этот момент Кучерявый заметил, что глаза-то у говорившего были разного цвета: один темно-коричневый, почти черный, а другой – зеленый. И смотрел он ими недобро... «Пить надо бросать, – подумал Кучерявый, – нет, не совсем бросать, но пить меньше». Он опять вспомнил про вчерашнее, схватил бутылку водки, отметив по ходу дела, что хорошую принесли, дорогую, и плеснул в стакан с остатками мартини.

– Эх, не бережете вы себя, – хмыкнул рыжий. На вид ему было лет двадцать пять. Его черный костюм в тонкую полосочку и яркий галстук напомнили поэту годы депрессии и сухого закона в Штатах.

– Не берегу! Обидеть поэта может каждый! Кругом графоманы, несправедливость и капитализм! – Он выпил коктейль из мартини с водкой и громко хрустнул огурцом.

– Знаем-знаем, слышали-с, – опять встрял тот, кого Кучерявый непроизвольно признал за странной компании за главного. – Извините, Арнольд Христофорович, не представились мы. Меня зовут Теодор Фаланд. Это мои заместители: Фиелло, – рыжий слегка наклонил голову, а Кучерявый подумал: «Какие странные у них имена», но далее развить свою мысль не смог, – Афраний Хор, – продолжил представлять гостей Фаланд, указав рукой на «пьяненького», облаченного в узкие, клетчатые брюки на манер стилига шестидесятых и кургузый черный пиджачок в такую же, как штаны, желтую клетку.

Кучерявому пришлось снова срочно глотнуть водки, так как возле Фаланда нарисовался, будто из воздуха, здоровый мужик, сильно смахивающий на черного кота. Сходство невозможно было объяснить, впрочем, в тот момент Кучерявый вряд ли был способен объяснить даже более простые вещи.

– Это наш шут, простите, – Фаланд засмеялся, но от его смеха поэта прошиб холодный пот, – младший помощник главного заместителя Флюшка Мурр. И, наконец, Галина... Скажу кратко: рекомендую. Может всё. Сами видите: готовит из ничего. Кроме того, печатает, редактирует. Шьет.

Возле плиты стояла улыбающаяся Галина – единственный гость, чье имя не вызвало у Кучерявого вопросов. Тем не менее, его поразила внешность девушки. Сначала он не заметил, но теперь ясно видел багровый шрам на шее. Также он не заметил, что за копной длинных, до попы, рыжих волос, оказывается, скрывалась совершенно голая спина. Спереди на Галине был белый фартук, кое-как прикрывавший грудь, на ногах блестели золотистого цвета лубутены. «Уже не модно», – почему-то подумалось Кучерявому, а Фаланд, словно прочитав его мысли, сказал:

– Лубутены – это ее слабость, простим! – И махнул рукой, облаченной в белую перчатку. Поэт глянул на другую руку – та лежала на набалдашнике трости, а вторая перчатка валялась на столе. Кучерявый вновь призвал себя пить умереннее: ни перчаток, ни трости он изначально не заметил. – Так вот, дражайший Арнольд Христофорович, есть у нас к вам заказик, так сказать, творческого плана.

Сказанное Кучерявого не удивило. На жизнь он зарабатывал, получая мизерную зарплату за еженедельные статьи на поэтическую тематику в «Писательской газете». Так как денег катастрофически не хватало, поэт хватался за любую подработку, в частности, писал для сайтов пространные статьи о здоровье, диетах и прочих важных для обывателя темах. Благодаря этому, он мог лихо перечислить признаки остеохондроза, выдать примерное недельное меню низкоуглеводной, малокалорийной, белковой или кремлевской диет, правда, особо этим из его окружения никто не интересовался.

– Что нужно написать? – Кучерявый попытался придать голосу деловой тон.

– Написать нужно роман, – неожиданно ответил Фаланд. – Техническое задание для романа прилагается к договору. Но в двух словах концепцию я вам разьясню...

– Я не пишу романы, – прервал Кучерявый «главного». – Видите ли, я – поэт, также могу писать статьи на разную тематику. А вот романы – не моя стихия.

– Огонь, вода, земля, воздух, хаос, – влез в разговор Фиелло, – что вам будет угодно, предоставим. Особенно, хаос! – Он засмеялся громким, неприятным, залихватским смехом, после чего несколько раз надрывно икнул.

Флюшка Мурр лапой подправил залихватские усы, и Кучерявый опять поклялся уменьшить количество спиртного: человек с лапами – это уже перебор! А Фаланд, как ни в чем не бывало, снова заговорил:

– Да-да, из всех стихий хаос мы вам точно обеспечим! Однако я ваши душевные метания понимаю. Отвечу так: талантливый человек талантлив во всем. – Кучерявый зарделся аки красна девица и опять вспомнил чиновников от литературы. – Слышали, вас сильно обидели. Мы накажем виновных. Так мы это дело не оставим. Вас выгнали из писательского союза за неуплату взносов. Обещаю, вас вернут обратно.

– Пр-р-риползут на колен-н-нях, – промурлыкал Флюшка, схватил Арнольдов стакан с водкой и залпом выпил. – Не сумлевайся, р-р-родим-м-мый! Не забудем, не простим!

– Так вот, – спокойно продолжал Фаланд, – за роман мы щедро заплатим. Размер гонорара стоит в договоре, но мы готовы его обсуждать.

Кучерявый быстро просмотрел листки договора, увидел цифру и у него помутнело в глазах. Нет, наверное, фантаст Лукьяненко или не покладающая пера Донцова видали такое количество нулей, но Кучерявый не видал и не надеялся увидеть.

– Гонорар устраивает, – кивнул Кучерявый и схватился за стакан, опустошенный Флюшкой Мурром.

Виляя бедрами, к поэту подошла Галина, провела рукой по его редющим волосам, плеснула в стакан водки и произнесла низким голосом:

– Пей покамест, миленок. Недолго осталось.

Сначала Кучерявый выпил, и лишь после осознал значение сказанных слов.

– Почему недолго? – спросил он, сам понимая, что пора завязывать – сильные глюки пошли, так можно и в дурку попасть. Прямо как поэт Хороший в прошлом году. Упился вусмерть, начал разговаривать сам с собой, не узнавал близких... Пришлось его отправить в клинику лечиться от алкоголизма, а там он двинулся еще больше, после чего Хорошего определили в психушку. О дальнейшей его судьбе никто не слышал.

– Видите ли, – опять заговорил Фаланд, – несмотря на огромный талант, вы сильно пьете. Так написать роман не получится, хотя, говорят, определенные состояния благоприятно влияют на изменение сознания, что, в свою очередь, дает толчок воображению. Но все имеет обратную сторону, – философски изрек он, – поэтому решено положить вас в элитнейшую психиатрическую лечебницу. Там отличный уход, поверьте. Спа-процедуры, массажи, прогулки по парку... Короче, благодать. Однако ни капли спиртного! Договор у нас с вами на год. Напишите роман – тут же выпишете из клиники.

«Вот оно! – пронеслось у Кучерявого стрелой в мозге. – Дурка! А нас так не возьмешь! Голыми-то руками!» – Тут он заметил перчатки, на сей раз обе надетые на руки Фаланда, и понял, что брать его будут не голыми руками, отчего стало совсем тоскливо.

– Ну-ну-ну, – Флюшка похлопал мягкой лапой поэта по плечу, – стерпится слюбится.

И тут Кучерявый решил выяснить, а какое же такое щедрое издательство предлагает ему столько денег, да еще и готово оплачивать элитную психушку. Он глянул на договор, но буквы расплывались перед глазами и никак не хотели собраться в слова.

– Какое мы издательство? – прочитал его мысли Фаланд. – М-м-м, – чуть замешкался он с ответом, – Мосэк, – в итоге припечатал он. – Поступил заказ от самого наивысшего правительства на роман о Сатане, о Дьяволе. Надо бы изменить о нем мнение обывателей. А то все – Бог, Бог. С его историей понятно. Да, приврали, чтобы сделать идеальным, сделать весьма плоской фигурой. Но Дьявол? Он считается исчадием ада, главным злом на земле и небе. Тоже, знаете ли, плоская фигура. Хотя... зло всегда чуть-чуть интереснее, пикантнее добра. Но этого мало.

– Это не так? – Кучерявый периодически терял мысль, но попытался сосредоточиться на сюжете будущего романа. – Дьявол не есть олицетворение зла? И как, позвольте спросить, его выписывать иначе? Отправить волонтером делать добрые дела? – он усмехнулся, даже на минуту протрезвев. – И зачем правительству такой поворот? Опять-таки, есть писатели с именем. Их мнение, их произведение вызовет больший резонанс.

– Р-р-резонанс, – засмеялся Флюшка, – р-р-резонанс! – он схватил кусок колбасы и, подбросив его в воздух, виртуозно схватил ртом и зачавкал. – Р-р-резонанс! – прочавкал Флюшка с набитым ртом, взял бутылку с мартини и влил в себя прямо из горлышка. – Б-р-р, – он потряс головой на манер собаки или кошки, отряхивавшейся от воды.

С последними звуками Кучерявый не мог не согласиться: он сам бы с удовольствием потряс головой и сказал «б-р-р», а потом вновь увидел бы перед собой пустую кухню, пусть без дорогой водки и закуски.

– Эх, все вам, батенька, объяснять, – вздохнул Фаланд. – Именитые избалованы. Их внушительной цифирью не возьмешь. А вы, как напишите роман, так сразу – в дамки! Мы вас раскрутим по полной!

– Не сумлевайся, братан, – встрял Афраний, схватил Кучерявого за ворот рубахи, поднял со стула и отпустил. Поэт с грохотом приземлился обратно на шаткую деревянную конструкцию.

– В писательский союз вернем, рекламу дадим, – вещал Фаланд, – поставим по всему городу баннеры с вашей физиономией, интервью пойдут, награды. Не исключена Нобелевка по литературе. Если не протолкнем по литературе, пойдете по миру – премию мира даже проще получить, а резонанс, как вы выразились, пойдет сильнее. Квартирка у вас, батенька, не велика, да и грязновата. Здесь порядок наведем, пока вы будете в лечебнице в творческом отпуске, но в дальнейшем хорошо бы выправить более престижную. С видом на Кремль!

– Мне на Кремль не надо... – прошептал Кучерявый, – я на море хочу.

– Хорошо, с видом на море, – покладисто согласился Фаланд.

– Чего они все с ума посходили по морю? – протянула Галина. – Всем им моря подавай...

– Она слепила из невесты откуда взявшегося фарша котлету и плюхнула ее в масло, шипевшее на сковороде. Кучерявый опять подумал, что не заметил не только фарша, но и как Галина зажгла огонь на конфорке.

– Не беспокойтесь, фарш из мяса невинно-убиенных младенцев, – загоготал Фиелло.

– Шутит он, – Фаланд увидел ужас в глазах поэта и решил не доводить дело до настоящего сумасшествия. – Неудачно пошутил. Итак, мы оставляем вам договор и техническое задание на роман. Оставляем водочки и закуски, чтоб достойно отметить этот день. Кстати, касаемо изображения Дьявола... Это, Арнольд Христофорович, ваше дело, как вы выкрутите сей сюжетец. Мы вовсе не хотим очернять белые силы, но черным следует придать более элегантный, что ли, оттенок, более благородный. Почитайте литературу, подумайте. Время будет. А мы пока пойдем. Завтра заедем за вами. Вещей особо никаких с собой брать не надо – там все дадут.

– И халат, и тапочки, – заржал Флюшка Мурр.

– Я еще не решил, – пробормотал Кучерявый. – Как вам позвонить? Номер телефона есть в договоре? Где ваша редакция располагается? Я, знаете ли, не бывал в Мосэк.

Фаланд окинул взглядом кухню.

– Пока устроимся у вас. Галина цветочки поливать будет, пыль протирать. Ну и у нас дела найдутся. Так что редакцию, как вы выразились, обустроим на время вашего отсутствия здесь. Звонить никуда не надо. Мы так придем завтра. Запросто, по-дружески.

Кучерявый пытался возразить против обустройства редакции издательства у него на квартире, но вся компания шумно засобиралась, перестав обращать на него внимание. Галина быстро дожарила котлеты и тоже засуетилась: снимала передник, надевала черное облегающее точеную фигуру платье. Все пятеро попытались одновременно протиснуться в дверь, что вела

в коридор. В итоге, на глазах изумленного Кучерявого, Флюшка Мурр снова превратился в кота и пробежал меж ног в коридор первым. А там уж за ним кое-как прошли остальные.

– Не провожайте! – крикнул кто-то из них Кучерявому, но у того остались силы только налить до краев водки и выпить стакан до дна. Затем он сполз на пол и заснул в нелепой позе, надеясь, что глюки к моменту пробуждения окончательно пройдут.

За окном светило солнце, чирикали птички. Первые зеленые листочки не успела еще припорошить московская пыль. Давно не стиранная тюлевая занавеска, когда-то повешенная для придания кухне подобия уюта, колыхалась на сквозняке. Во сне Кучерявый вскрикивал, вздрагивал и вздыхал.

Глава 2. Вечер того же дня

Начинало темнеть. Из глубокого, обволакивающего сна Кучерявый выходил с трудом. Голову ломило от выпитого, тело – от неудобной позы, в которой заснул на полу. Сначала поэт сел, боясь резко встать. Некоторое время Кучерявый вглядывался в наползающую тьму. Постепенно обрывки странных воспоминаний о том, что произошло несколько часов назад в этой квартире, сформировались в цельную картину. Кучерявый вздрогнул и попытался все-таки встать.

– Глюки! – вскрикнул он, не обнаружив на столе ни закусок, ни бутылки с водкой. На нем, как и до нашествия непонятных гостей, стояли старые огурцы и мартини.

С одной стороны, Кучерявому было жаль нажаренных Галиной котлет, солений и водки – сейчас весьма быгодились. С другой стороны, поэт совсем расстроился из-за пошатнувшейся на почве сильных возлияний психики. Но существовала у этой ситуации и третья сторона: не надо писать роман про положительного дьявола, а главное, ложиться в психушку. Гонорар гонораром, но гости показались Кучерявому странными, а где-то даже пугающими. Твердо решив сегодня больше не пить, поэт налил в кастрюльку воды дляпельменей. Он опять призадумался о произошедшем: уж больно реалистичными казались глюки. Опять же плохо дело пошло – так ведь можно до настоящей дурки докатиться, без помощи редакции Мосэк. Одновременно он вспомнил об исключении его из союза писателей за неоднократную неуплату ежегодных взносов. Обидно, ведь он лично знал писателей, не плативших, но остававшихся в союзе! Несправедливость содеянного с ним вызывала жуткое желание выпить, противиться которому становилось всё сложнее.

Вода закипела, и Кучерявый полез в морозилку, однако, пельменей там не обнаружил. «Когда я их съесть успел?» – пронеслось в голове, впрочем, по сравнению с остальными сегодняшними приключениями, данная странность удивила не сильно. Если уж пошли глюки, значит, они могли случаться и раньше – видимо, съел в забытьи... Кучерявый медленно побрел в комнату за телефоном, проверить количество денег на карте. Он увидел, что ему несколько раз звонили друзья, с которыми он пил накануне, наверное, желали справиться о его здоровье. Разговаривать сейчас ни с кем не хотелось. Кучерявый убедился в наличии семисот пятидесяти двух рублей на карте и отправился в коридор. Там он надел старые кроссовки, заметив по ходу дела дырку на левом носке, куртейку и кепку. В кармане куртейки лежала авоська, банковская карточка покоилась в кармане рубашки.

На улице гулял холодный ветер. В телефоне блёмкнуло сообщение: «МЧС предупреждает...» Опять следовало не стоять под деревьями и вывесками, так как на Москву двинул какой-то очередной циклон, с мокрым снегом и низким давлением. Кучерявый надвинул на кепку капюшон и пошел быстрее к магазину. Там, не мудрствуя лукаво, взял водки и пельменей. Пока он делал покупки, буквально за пять минут, погода поменялась: теперь к ветру прибавился обещанный снег, круживший странными завихрениями, норовя забраться под куртку, залетая в штанину, залезая в нос и глаза. Кучерявый практически вбежал в подъезд, добрался на лифте до шестого этажа, наконец, очутившись дома. В квартире стояла темень, хотя Кучерявый точно помнил, что оставлял свет и в коридоре, и на кухне. «Странно, – подумал он, – не хватало еще проблем с электричеством». Поэт нашарил на стене выключатель. Вспыхнула лампочка, а Кучерявого прошиб пот.

– Схожу с ума! – печально констатировал он. – Свет, уходя, все-таки выключил. А ведь уверен, что не выключал.

Он снял кроссовки; прямо в куртке и кепке прошел на кухню. Там свет тоже нормально зажегся. И тут только гигантская выдержка помогла Кучерявому не выпустить из рук авоськи: на кухне всё было так, как после прихода гостей. На столе в миске лежали котлеты, стояли

тарелки с закусками, в центре возвышалась бутылка с недопитой водкой. На плите стояла сковорода с остатками масла и шкварками от котлет. Кучерявый сделал шаг к столу. Он потрогал котлеты пальцем – те были едва теплые, словно на самом деле простояли на столе несколько часов. Кучерявый медленно вытащил из авоськи водку. Пачкупельменей кинул в морозилку. Потом он взял телефон и набрал номер Витьки Поляны. Виктор Поляна был не просто поэтом, но и возглавлял общество мистиков-авангардистов, а также являлся самым близким другом Арнольда еще с момента их совместной учебы в литературном институте.

– Витёк, – отчего-то шепотом прошелестел в трубку Кучерявый, – приезжай, Витёк. Боюсь, у меня глюки. Не исключаю белую горячку. Один сойду с ума окончательно.

Надо сказать, Витёк всегда с готовностью бросался на помощь другу. Вот и накануне именно он решил собрать народ, чтобы поддержать Кучерявого в трагический момент исключения из писательского союза. Помешать выполнить дружеский долг ему мог только длительный запой или отсутствие в Москве. Жил Витёк всего в одной станции метро от Арнольда, поэтому в целях экономии средств часто ходил к нему пешком. Однако сегодня было не до променада: на улице мерзко мело, как в феврале, к тому же, Витька сильно насторожили слова и голос друга. Через полчаса он уже звонил в дверь. Все это время Кучерявый просидел на кухне, не шевелясь, глядя на стол.

Войдя на кухню Витёк первым делом вытащил из-за пазухи бутылку с водкой, батон хлеба и две колбасные нарезки.

– Э, брат, да у тебя тут пиршество! – воскликнул Витёк, увидев накрытую «поляну». – Откуда такая радость?

Кучерявый молча разлил по стаканам водку. Витёк все понял правильно. Они выпили, вцепились зубами в котлеты и некоторое время сосредоточенно жевали. Затем Арнольд прошелся в комнату, принес договор, и вкратце рассказал другу о случившемся.

– Понимаешь, я точно схожу с ума! – закончил Кучерявый и потянулся за стаканом.

– погоди, – Витёк остановил порыв друга. – Давай сначала рассуждать логически. – Этого Кучерявый обещать в сложившейся ситуации не мог, но кивнул и брать стакан пока не стал. – Итак, что мы знаем точно: перед собой мы видим накрытый стол, видим договор. Значит, постановим, что глюками являлось отсутствие еды и водки на столе, когда ты проснулся. Про свет ничего утверждать не будем: ты, на самом деле, мог забыть, что его выключил. А еду спросонья не заметил, на автомате начал варить пельмени, про отсутствие которых забыл. Последнее вообще не вызывает никаких сомнений. Теперь про странных гостей. Спяну тебе привиделось, что кот – это человек. Я бы сказал, что человек похож был на кота, так точнее. Давай глянем договор. – Витек взял бумажки и начал их просматривать. – Так, издательство Мосэк, бла-бла-бла, гонорарий... хм, отличный гонорарий! Сроки – закончить роман за год, нормальный срок. Писать ты обязуешься в элитном санатории «Заоблачные дали». Кроме гонорария тебе обязуются предоставить домик у моря и номинацию на Нобелевскую премию мира. Кроме того, восстановят в союзе писателей...

Тут Кучерявый встрепенулся и перебил друга:

– Как это может быть в договоре?! Сегодня днем там был только гонорар, никаких домов у моря и Нобелевки! Тем более, что они сначала предложили по литературе и, если не пробьют по литературе, тогда мира, а домик – не домик, а квартиру напротив Кремля.

Витек потер лоб.

– М-да, надо накатить, – он плеснул водки в стаканы. – Понимаешь, могло это быть прописано заранее, почему нет. С тобой решили обсудить, но прописано было. Если что, договор переделать не сложно. – Он выпил. Кучерявый выпил вслед за ним. Они опять начали ожесточенно жевать котлеты.

Прожевав, Витёк полез в морозилку.

– У тебя здесь две пачкипельменей. Ты сколько сегодня купил?

– Одну. На две денег бы не хватило. Но откуда там вторая? – он посмотрел в холодильник. – Витя, говорю ж, я схожу с ума! Это та самая пачка, которую я не обнаружил, проснувшись. Почему и пошел в магазин. Водки вон теперь сколько.

– Водка – это прекрасно, – мягко произнес друг. – Водка в данной ситуации к добру!

Но в душе Витёк уже начал переживать за Кучерявого, вспомнив прошлогоднюю историю, приключившуюся с поэтом Хорошим. И он совершенно не понимал, стоит ли продолжать пить или надо остановиться. Что полезнее для организма в данной ситуации Витёк не знал. В итоге, все-таки выпили, доели котлеты. Рухнули спать прямо в одежде, хотя до комнаты и дошли: Кучерявый лег на свою кровать у стенки, а Витя Поляна на продавленный гостевой диван. Рано утром хозяин тихонько прошел на кухню и убедился, что грязная посуда, стаканы, остатки водки и закуски, договор лежат там же, где вчера они их оставили. Он вернулся в комнату и продолжил спать немного спокойнее.

Глава 3. 8 апреля, пятница

Примерно в полдень раздался громкий звонок в дверь. Арнольд и Витёк никак не желали пробуждаться, но звонившие были настойчивы. Тогда друзья, переглянувшись, наконец встали и пошли открывать: оба понимали, что, скорее всего, пришли из издательства Мосэк – отвозить Кучерявого в дурку. И в самом деле, за дверью стояла та же компания, однако, выглядела она совсем иначе. Витёк вздохнул: да, друг его явно потек мозгом. Что ж особенного в высоком мужике, облаченном в белую рубашку и черные джинсы, а поверх – в длинное серое пальто и намотанный на горло красный шарф. Разные глаза у него? Такие случаи в природе бывают. Второй был на манер нынешней молодежи в узких штанах, кедах на босу ногу, футболке и куртке, третий – тоже в куртке, спортивных штанах и толстовке. Четвертый, реально, походил на большого, толстого, черного кота. Но мало ли кто на какое животное похож, эка невидаль! «Кот» был весь в черном: короткое пальто, черная джинсовая рубашка и черные джинсы. На ногах – короткие черные сапоги. Галина (а это была именно она – Витёк даже не сомневался) сверху накинула короткую норковую шубку, под которой ее прекрасную фигуру обтягивало черное платье-миди. На ногах – золотистые лубутены.

– Здравствуйте, Виктор, здравствуйте, – заговорил Фаланд. – Слыхали о вас много. Могучий поэт, талантище!

Витёк открыл рот и не сказал ни слова: как они его узнали, откуда?

– Ваше фото в сегодняшней «Писательской газете», – Фиелло протянул Витьку свежий выпуск. – Поздравляем! Такая подборка! Стихотворения аж душу выворачивают.

– Странно... – тихо произнес Кучерявый, – но ведь газета вышла в среду, как всегда. И там не публиковалась Витина подборка, точно помню.

– Ну не сегодняшняя, оговорился, какие проблемы, – Фиелло встряхнул газетой и посмотрел на первую страницу. – Нет, конечно, за среду номер. А подборочку вашего друга поставили в последний момент.

– Но я видел номер! – вскрикнул Кучерявый настойчиво.

Витьку стало неловко за друга: номер тот видел в верстке, бумажный экземпляр подробно не читал, так как расстроился из-за исключения из писательского союза и уехал пить в чебуречную. Вполне мог пропустить поставленную в последний момент подборку Витька. Так в газетах бывает – раз, сняли какую-то публикацию, на ее место надо что-то поставить, поставили Витька...

– Арни, дружище, проводим гостей на кухню, – увещавательно произнес он. – Проходите, господи. Тут у нас грязновато...

Галина не дала Витьку закончить фразу:

– Сейчас все приберем, ничего страшного. – Она вошла на кухню первой и с невероятной скоростью, будучи прямо в шубке, прибрала на столе. Теперь на нем лежал лишь договор. Галина скинула последние крошки в раковину и предложила всем заходить.

– Итак, Арнольд Христофорович, – начал Фаланд, – подписывайте договорчик и поехали. На вас уже зарезервировали комнату в санатории, врач проведет осмотр, пропишет для поднятия настроения таблеточки. Глюки ваши полечит. А вы продумывайте концепцию романа. Как продумаете, присылайте мне лично на утверждение.

Старавшийся внимательно следить за разговором Витёк понимал, что сейчас от друга толку мало. Сам он имел весьма своеобразный опыт в плане подписания договоров с издательствами, но некоторые слова из важного лексикона помнил.

– Авансец? Полагается ли господину Кучерявому авансец? – спросил Витёк.

– Нет, – покачал грустно головой Фаланд, – авансец, как вы выразились, не полагается. Дело в том, что наша редакция и так несет большие расходы: мы же платим за санаторий, а

он недешев. Мы, знаете ли, не привыкли экономить на наших авторах – нужен писателю уход, будет писателю уход по высшему классу. Там и питание входит. Шведский стол, все включено. То есть, другу вашему тратиться ни на что не придется. Только если газетку купить в киоске или еще какую мелочь. Так он ведь продолжит вести колонку в «Писательской газете» – зарплаты вполне хватит на мелкие расходы.

«Резонно», – подумал Витёк. Ему даже захотелось махнуть с Кучерявым местами. Тема, конечно, сложная, так и условия богатые!

Все это время Кучерявый сидел в ступоре на своем расшатанном стуле. Он прекрасно помнил, что в портфеле редакции газеты якобы опубликованной подборки Виктора Поляны не было. Надо отметить, он тщательно следил за поэтической частью газеты. Это походило на наблюдение за конкурентами. А с другой стороны, Кучерявый и правда искренне интересовался литературным процессом. Рано утром в среду газета уже лежала на прилавках киосков, то есть, ничего в тот день поменять не могли. Номер верстали днем вторника, самые последние исправления вносились до конца рабочего дня. Из последнего номера точно ничего не убрали, ничего не вставляли.

– Братан, чего раскис? – Флюшка Мурр толкнул лапой Кучерявого в бок.

«Опять мне мерещится лапа. Неужели Витёк не видит, что у Флюшки лапы?!» – мелькнуло в голове у Кучерявого, и тут же он заметил, как лапа на глазах превращается в нормальную человеческую руку.

– Водки, Витёк, водочки налей, – просипел он.

Перед Витёком встала дилемма: лить или не лить. Он видел, что у друга опять начались глюки, но, наверное, перед поездкой в санаторий и в присутствии издателей не следовало бы напиваться.

– Напоследочек, – проворковала Галина и подала стакан с водкой Кучерявому. – Вам ведь тоже налить? – спросила она у Витёка, вернув на стол огурцы.

– Ну что ж, на посошок! – скомандовал Фаланд. – И поедем, а то дел сегодня еще много.

Кучерявый выпил до дна, отказался от огурца и, шатаясь, пошел в коридор. Витёк поплелся за своим несчастным другом.

– Так, так, так, – нырнул вперед Флюшка, – вот, что надо взять, так это орудие труда! Пишущую машинку!

Кучерявый повернулся и послушно побрел в комнату. Там он забрал ноутбук с письменного стола, прижал его к груди и вернулся в коридор.

– Пакетик бы какой, – спохватился Витёк. – Сейчас я найду что-нибудь.

Он сбегал в комнату, где, насколько помнил, в шкафу лежали сумки и пакеты с пакетами. Оттуда вывалились на пол авоськи, среди которых была вполне вместительная холщовая сумка с какого-то поэтического фестиваля. В коридоре Витёк оторвал ноутбук от груди друга, разлил ему пальцы и засунул гаджет в сумку. Потом Витёк сбегал на кухню, откуда забрал договор.

– Возьму себе экземпляр Арнольда, – объяснил он. – На всякий случай.

– Конечно, конечно, – муркнул Флюшка. – Пошли, братаны.

Во дворе их, оказывается, ждала скорая помощь. За руль уселся Фиелло, рядом с ним место занял Флюшка. В задние двери провели окончательно замолчавшего и принявшего свою участь Кучерявого – его уложили на носилки. Ноутбук он обнял руками, как младенца, и прижал к себе. Затем, на боковые лавки пристроились Фаланд, Галина и Афраний. Витёк друга бросать не собирался и тоже залез внутрь. На удивленные взгляды он ответил:

– Друга не брошу! Довезу до санатория, заодно посмотрю, что это за элитное учреждение, спрошу про посещения.

С ним спорить не стали, а Фиелло велели ехать. Вслед, со скамейки, которую облюбовали бабули и мамы с колясками, донеслось: «Допился!» В дороге Кучерявый даже вздремнул, но Витёк бдительности не терял, смотрел по сторонам и поглядывал на похрапывающее тело.

Санаторий размещался за городом. Машина пронеслась мимо указателя «Белые дачи», свернула в лесную чащу, где дорога петляла меж деревьев, потом подъехала к высокому забору. Охранник проверил документы у Фиелло, заглянул внутрь к «больному» и открыл пультом огромные ворота. Внутри лес сменился ухоженной парковой зоной. Как ни в чем не бывало, по дорожкам прогуливались люди – вполне себе без смиренных рубашек. Некоторые беседовали друг с другом, кто-то мирно бродил в одиночестве. Витьку стало немного полегче: вроде, не такое это ужасное место.

Сам санаторий представлял собой большой особняк. От центрального входа он раскинулся двумя широкими крыльями направо и налево. Окна зарешечены не были, а на втором и третьем этажах даже виднелись большие застекленные лоджии. Машина остановилась у самого входа. К ним быстрым шагом подошли санитары. Опять Фиелло показал какие-то бумаги, а Фаланд, заметив обеспокоенный взгляд Витька, пояснил:

– Мы заранее договорились с санаторием. Бумаги об оплате как раз и показывает мой заместитель.

– А если бы Кучерявый отказался? – удивился подобной прыти Витёк. – Вы сильно рисковали. Если бы не его глюки, которые сто процентов явились следствием стресса, вызванного исключением из союза писателей, то не факт, что он бы сюда поехал, даже за ваш гонорарий.

– Любезнейший друг, – улыбнулся Фаланд, – не держите-таки нас за дураков, – неожиданно спародировал он одесский говорок. – Конечно, деньги бы нам вернули.

– Уж не сумлевайтесь, – двери распахнулись и в машину засунул голову Флюшка. – Готовьтесь на выход, – скомандовал он.

Тут санитары взялись за носилки; Кучерявый проснулся, попытался спрыгнуть на землю, но санитары профессионально положили его обратно и понесли ко входу. За ними проществовала процессия, в составе которой отсутствовал лишь Фиелло, отгонявший скорую на парковку. Витёк старательно семенил возле носилок, чтобы как-то успокаивать проснувшегося друга, однако, санитары особо близко его не подпускали. Их насчитывалось аж шесть человек: двое несли носилки спереди, двое сзади, а еще двое следили за «больным» по бокам. Внутри перед взором вошедших раскинулся огромный холл с мраморным полом, который оказался прекрасно стилизованным под мрамор мягким ковровым покрытием, и потолком с ангелами, с которого свисала бронзовая люстра под стать Большому театру.

К вошедшим подошла женщина.

– Я администратор. Приятно познакомиться, – сухо поприветствовала она. – Далее вам идти нельзя. Пациента отнесут в палату. Некоторое время он будет отдыхать, а потом пойдет на прием к врачу. Тот и пропишет первые процедуры.

– Как я могу его навещать? – протиснулся вперед Витёк. – И телефон у него там, в курточке. Я ему засунул в карман. Звонить можно?

– Вот, возьмите, – дама протянула Витьку карточку. – Первое время его будут обследовать, но, скорее всего, телефон оставят. Посещения тоже зависят от решения врача: некоторых пациентов они сильно выбивают из колеи. На карточке указан номер, по которому вам и сообщат обо всех деталях. Раньше чем через пару дней звонить смысла не имеет – люди тут обживаются, лучше их не тревожить, поэтому звоните позже, узнаете и про телефон, и про визиты. А теперь, господа, прошу всех на выход. У нас здесь не принято толпиться.

Фаланд и компания пошли к парковке. Витёк засеменял следом. На парковке они подошли к той же скорой. Возле нее поджидал Фиелло.

– Вас подбросить? – вежливо поинтересовался Фаланд.

– Если не затруднит, – кивнул Витёк. – А это ваша машина? Прикреплена к издательству?

– Прикреплена, – подтвердил Фаланд. – Страховка у нас тут оформлена, в санатории. Среди литераторов часто случаются припадки, срывы, депрессии. Как вы сами видите, случа-

ются галлюцинации на почве злоупотреблений алкогольными напитками. Проще иметь при редакции свою скорую, а в санатории страховой полис.

– Неужели так часто все это случается?! – в страхе за здоровье писателей спросил Витёк. – Не ожидал! Не замечал...

– А как же господин Хороший? – ехидно спросил Флюшка. – Вот вам и случай налицо! Нервная организация у писателей слабая, особенно у поэтов. Пьют. Если непьющий, то точно графоман! – припечатал Мурр.

С одной стороны, осознавать себя не графоманом было приятно, с другой стороны, исповедимость пути вызывала некоторый страх. Витёк полез в скорую. Когда они ехали к выходу, он опять обратил внимание на красивое здание лечебницы и непроизвольно сказал вслух:

– Надо же! Ни решеток на окнах, ни каких других заграждений – настоящий санаторий, полная свобода передвижения.

– Ох, вы наивная душа, господин Поляна! – покачал головой Фаланд. – По периметру высоченного забора, на который и так-то не залезешь, пропущен ток. Тоже самое сделано на всех балконах и окнах комнат. Они не открываются. Во всех помещениях установлены кондиционеры. Парк большой, но везде стоят камеры – дабы не нервировать больных санитары стараются по территории лишней раз не ходить, но они сидят в технических помещениях и следят за камерами. Ну и, само собой, у пациентов есть специальный браслет, который снимается только при помощи электронного ключа. Браслет при пересечении границы территории начинает нещадно пищать.

Витьку от такой организации слегка поплохело. Больше санаторий у него восторгов не вызывал. В городе его высадили возле первой же станции метро. Витёк спустился под землю, ехать домой. Сев в вагон, он решил достать карточку и забить номер телефона санатория в мобильник, чтоб уж точно не потерять. Карточки нигде не было – ни в карманах куртки, ни в карманах штанов. «Где ж я ее обронил-то?» – с ужасом подумал Витёк. Но потом успокоился, убедив себя, что номер телефона такого большого учреждения точно есть в любой поисковой системе интернета.

Глава 4. В тот же день

Кучерявого донесли до палаты. Там санитары нежно сбросили его на кровать, положили авоську с ноутбуком на диван, что стоял у противоположной стены, и исчезли за дверью. Едва поэт успел обрести душевное равновесие, как дверь распахнулась. В комнату вошла женщина в белом халате, в таких же белых, плотных колготах и белых, без каблука, туфлях. На вид ей можно было дать от пятидесяти до семидесяти лет. «Пожалуй, маханул я, – поправил сам себя Кучерявый. – Все-таки до шестидесяти пяти». Волосы дама собрала в тугий пучок: аж, казалось, волосы вот-вот спереди так натянутся, что лопнут. Цвет они имели темный с проседью – да, тот самый, противный, полностью соответствовавший современной тенденции принимать себя в естестве. Тому же, видимо, способствовало полное отсутствие косметики на лице...

– Добрый день, Арнольд Христофорович, – прервала она размышления поэта. – Меня зовут Ангелина Федоровна. Работаю здесь администратором. По всем организационным вопросам следует обращаться ко мне. По поводу лечения всех пациентов нашей клиники консультирует лично главврач, а его распоряжения выполняют медсестры и медбратья. Сейчас я вас попрошу проследовать за мной для беседы с врачом.

От Ангелины Федоровны веяло, вопреки имени и белоснежной одежде, какой-то дьявольщиной, но Кучерявый отнес эти чувства на свое слегка расстроенное состояние, усугублявшееся отсутствием алкогольных напитков, а выпить хотелось все сильнее. Собравшись с силами, Арнольд встал с кровати и послушно пошел за администраторшей. Шли они недолго: кабинет главврача находился на первом этаже в том же левом крыле здания, где и палата Кучерявого на втором.

На кабинете сияла золотом табличка: «Евстафьев Олег Евгеньевич, профессор».

– Проходите, дружище, проходите! – голос у профессора звучал бодро и весело. Он восседал за большим натурального дерева столом, перпендикулярно которому стоял длинный стол для совещаний, не менее солидный и натуральный. Кресла вокруг пахли кожей. Позади главврача стоял шкаф с толстыми фоллиантами, а на стене висели многочисленные дипломы в красивых рамках.

Профессор встал из-за стола и махнул рукой в сторону Кучерявого.

– Будемте запросто! Садитесь в кресло, милейший Арнольд Христофорович. Побеседуем. – Кучерявый проследил за направлением взгляда врача и увидел в другой половине кабинета журнальный столик с угловым диваном изумрудного цвета, естественно, кожаным.

Ангелина Федоровна удалилась, оставив пациента на попечение высокого начальства.

– Во-первых, позвольте поприветствовать вас в стенах нашей элитной, и я бы отметил, эксклюзивной, клиники, – ласково начал говорить Олег Евгеньевич. Он расслабленно сел на диван; его распахнутый халат не скрывал идеального покроя темно-синего костюма. Галстука глава клиники не носил, чуть розоватого оттенка рубашка была расстегнута на две верхние пуговицы. По прикидкам Кучерявого профессору исполнилось лет сорок. – Во-вторых, – продолжил мягко главврач, – я сейчас подробно вам расскажу, как тут поставлено дело. Вы у нас на год. Сразу скажу, мало кто из пациентов выписывается быстро. Определенные... м-м-м... недуги лечатся не так скоренько, как хотелось бы.

– У вас тут только пьющие? – встрял Кучерявый, не сильно желая проводить время с большими другими недугами.

– Всякие, – вздохнул профессор, придав лицу горестное выражение. – Однако пьющих подавляющее большинство. Почему, батенька? – неожиданно спросил он Кучерявого. – А потому, – начал отвечать он на собственный вопрос, – что всякие недуги, связанные с психическим нездоровьем, часто сопровождаются желанием выпить и заглушить, как говорят в народе, душевную боль.

Про душевную боль поэту было куда как понятно, и к своему удовольствию, он наконец, обрел отличную фразу для обоснованного питья алкоголя.

– Есть у нас пациенты с депрессией. Им вообще категорически запрещено с прописанными лекарствами пить. А они пьют! – воскликнул врач и стукнул ладонью по колену. – Есть навязчивые состояния. Сразу скажу: питаться в ресторане вы будете с мужчиной, который возомнил себя американским актером Джонни Деппом. Слыхали о таком?

– Да, – кивнул ошарашенный Кучерявый, – почему не Наполеоном? – голос его чуть дрогнул, потому что сидеть за одним столом с человеком, считающим себя пусть и не Наполеоном, но Джонни Деппом, как-то не хотелось. Он опять вспомнил поэта Хорошего и начал понимать, что лечение от алкоголизма чревато неприятными неожиданностями.

Размышления Кучерявого прервали:

– Наполеоном?! – хохотнул Олег Евгеньевич. – Этот господин реально похож на Джонни Деппа! Сами увидите. Сначала он подрабатывал, фотографируясь с желающими. На него был огромный спрос! Со временем пациент приобрел полное сходство с прототипом. К сожалению, теперь он вообще не отделяет свою личность от Депповой. Пришлось его родителям обратиться к нам, но лечение нужного эффекта не дает. Поэтому не удивляйтесь, спокойно с ним беседуйте, не пытайтесь ему перечить в плане его личности. В остальном Джонни вполне сносен.

– Отлично... – Кучерявый потер вспотевший лоб. – Мы с ним вдвоем за столом?

– Нет, у нас сидят по четверо. За одним столом вообще никого нет, так как в данный момент в клинике находится шестнадцать, а не двадцать человек. А за другим – трое. Господин Забытько у нас элитный пациент и предпочитает уединение, питается у себя в номере. Мы приветствуем общение, но хозяин – барин, что поделаешь. Кто платит, тот, в конечном итоге, заказывает музыку... Так вот, за вашим столом сидят еще две барышни. Одна барышня молодая. Двадцатилетнюю Настеньку сюда поместил лечиться муж. От депрессии. Все у нее хорошо, а вот хандрит. Вторая барышня более солидного возраста. Ханна Казимировна – еврейская полька. Ей шестьдесят восемь, художница. У нее та же проблемка, что и у вас. Пьет. Поместила к нам себя сама. По доброй, так сказать, воле. Контингент прекрасный! По просьбе господина Фаланда подобрали вам чудную компанию!

Кучерявый с последним утверждением внутренне не согласился, однако, перечить главврачу не стал. А тот продолжил:

– Сейчас отпущу вас на обед. Потом вы часок отдохнете. Все-таки стресс первого дня, хотя мы всем рекомендуем тихий час при любых обстоятельствах. После вас проведут в кабинет к медсестре для взятия анализов. Я составлю для вас дальнейший распорядок дня. Как раз его вам отдадут после дневного отдыха, и вы будете в курсе. Анализы к завтрашнему дню проанализируем, – профессор хохотнул над получившимся каламбуром, – и первый этап процедур станет понятен. Мы знаем, что вам надо писать роман, поэтому время для творчества обязательно выделим, не волнуйтесь. Творчество – это часть терапии. Ханна Казимировна, например, вполне себе рисует и весьма плодovitо.

Для Кучерявого творчество по расписанию представляло собой полную несуряжицу. Он привык писать стихи, где и когда придется, никоим образом не стесняя себя в этом плане. Как следует разволноваться поэт не успел – его повели в ресторан, который располагался на том же первом этаже, слева от входа в здание.

За круглыми столами уже сидели люди. Один стол и правда был пустой; сидевшие за другими, увидев Кучерявого, ведомого медсестрой, начали бесцеремонно его разглядывать.

– Садитесь, пожалуйста, вот ваше место, – медсестра указала на стол, стоявший у барной стойки. По дороге Кучерявый успел просканировать стоявшие в баре бутылки и убедился, что спиртного там нет – только соки и вода.

За столом сидели, как и обещал главврач, «Джонни Депп» и две женщины. Они во все глаза смотрели на Кучерявого и приветливо улыбались. Улыбалась даже та, которой приписывалась депрессия.

– Садитесь-садитесь! – призывно воскликнул Джонни. – У нас тут как раз салатик. Потом вам могут прописать индивидуальную диету, если здоровье потребует. А пока вот ваша тарелочка. Чем страдаете? Какими судьбами к нам?

Плюхнувшись на стул, Кучерявый печально посмотрел на ассортимент напитков: вода, морс и чай, разлитые по графинам. На каждый графин была наклеена надпись, указывавшая на содержимое, поэтому ошибиться поэт не мог. Он вздохнул и, посмотрев на Деппа честными глазами, ответил:

– Пьющий я. Меня сюда поместило издательство, чтобы я не сорвал сроки сдачи романа. Хотя, на самом деле, я поэт, – Кучерявый вздохнул еще горше и принялся ковырять вилкой в салатных листьях.

– Какие спиртные напитки предпочитаете? – неожиданно спросила Ханна Казимировна. Художница выглядела вполне богемно: в белой блузе, ярко-красном широком шарфе, перекинутом через плечо; на голове красовалась копна собранных на затылке волос совершенно невероятной смеси цветов. Пряди кокетливо выбивались из прически, отчего Ханна Казимировна походила на расшалившуюся девчонку. Девичьему образу мешал только яркий макияж: алая помада на губах и подведенные жирной, черной линией веки.

– В основном крепкое, – ответил Кучерявый, – водка, виски, коньяк... В таком духе. Вино исключительно за неимением лучшего. Мартини, – поэт вспомнил день накануне отъезда в клинику и совсем опечалился: на безрыбье и мартини рыба, – терпеть не могу... но сейчас бы выпил. – Он начал жевать помидорку-черри, не представляя себе, как тут продержится год.

– Видите ли, Арнольд... позвольте называть вас Арни? – Джонни Депп сделался загадочным. – Знавал я одного. Ваш тезка. Крутой парень!

– Зовите. Меня так многие зовут. Вы Шварцнеггера имеете в виду?

– Да! – радостно воскликнул Депп. – Тоже с ним знакомы?

Кучерявый вспомнил наставления профессора и кивнул.

– Тем более! – Джонни наклонился поближе к поэту и заговорил тихим голосом. – У нас тут договоренность с барменом. В графине с водой – водка, в графине с морсом – вино красное. Вино, сразу скажу, не рекомендую. Хорошее, дорогое имеет слишком насыщенный цвет. У нас здесь, так, водичка, считайте. Но не знали, что вы любите – взяли винца. Холодный чай – это коньячок. Лимонадик газированный – игристое. Настенька балуется частенько. Шампанское заказывает. Настоящее, французское. Короче, вам чего плеснуть, водки или коньячку?

Настроение у Кучерявого резко улучшилось. Однако он опасливо посмотрел по сторонам, понимая, что их стол делает нечто не совсем вписывающееся в правила пребывания в элитном санатории.

– Пожалуй, коньячку, – кивнул он Джонни. – И что ж, никто не замечает? Кажется, здесь очень следят за всеми этими делами.

– Следят, – Ханна Казимировна тоже пила коньяк. – Только желающих подзаработать хватает. Давайте, не чокаясь... до такой степени мы не наглеем, чтобы чокаяться... так вот, не чокаясь, за здоровье. Здоровье, ребята, говорю вам, надо беречь. А как его беречь, если не пить, – завершила она свою тихую, но пламенную речь.

Кучерявый выпил немного за собственное здоровье и здоровье товарищей по столу, быстро доел неказистый салатик, решив, что для сохранения здоровья надо закусывать, чем бог послал. Тут принесли супчики.

– Тыквенный суп-пюре сегодня, – объявил официант, составляя на стол суповые тарелки.

– Ох, это мой любимый! – восхитилась Настенька, доселе молча попивавшая «газированный лимонадик». Выглядела молодая женщина вполне нормально. Ее длинные, выющиеся,

русые волосы лежали естественно, словно не знали ни укладки, ни покраски, ни каких других парикмахерских ухищрений; косметики на лице, в противовес Ханне Казимировне, вообще не было. Назвать ее состояние депрессией Кучерявый смог бы едва ли, хотя хохотушкой она тоже не являлась. Но ведь далеко не все, кто не смеется постоянно, впали в депрессию. Вот помнится, поэтесса Агата Агафонова реально большую часть времени депрессовала... Размышления Кучерявого прервали:

– А про что вы роман пишете, Арни? – проворковала Ханна Казимировна, наливая себе еще «чайку».

– Ханна Казимировна, не переусердствуйте, – предупредил Депп даму. – Помните, как позавчера чуть мы не спалились? Коньяк, знаете ли, – обратился он уже к Кучерявому, – имеет свойство сильно пахнуть изо рта. Опять же, Ханну Казимировну, при всем уважении, начинает от излишнего потребления спиртного пошатывать. Вот вечером, когда мы «спать, спать по палатам, приболевшим и врачатам», – пропел он на мотив старой пионерской песенки, – тогда можно и позволить себе.

Махнув в сторону Деппа шарфом, Ханна Казимировна игриво покачала головой, и повторила свой вопрос, явно пока не успев потерять нить беседы.

– Так о чем вы, Арни, пишете, голубчик?

– Странную тему мне заказали, – признался Кучерявый. – А главное, я же, понимаете, поэт! Я же не прозаик. Могу статеечки писать, но чтобы роман!..

– Почему же вам его заказали? – встряла Настенька.

Кучерявый вздохнул: он и сам по сей момент не совсем понимал, почему.

– Сказали, я талантлив, – скромно пробурчал невольник чести, – а талантливый человек талантлив во всем. Как-то так.

– Правы ваши заказчики! – заявила Ханна Казимировна. – Чем я только в жизни ни занималась! Сейчас рисую. Знаете ли, неплохо получается. Даже покупают мои картины. Покажу попозже. Что за тема? Мы готовы подсказать.

В последней сентенции Кучерявый не совсем был уверен, ведь как бы нормально ни выглядели его собеседники, они были с отклонениями: кто с явными, как Джонни Депп и не бросившая пить Ханна Казимировна, а кто с незаметными, как Настенька, но Кучерявый был уверен, что ее депрессия просто не бросалась в глаза. В этот момент официант собрал тарелки из-под первого (тыквенный суп-пюре, и правда, был вкусен), а потом ловко составил с подноса большие блюда со вторым. Самой еды на блюдах было немного, но размазали ее красиво.

– Цветовая гамма всегда вызывает у меня восхищение, – прокомментировала Ханна Казимировна внешний вид продуктов: зеленая фасоль гармонично соседствовала с желтым и красным перцами-гриль, кусок индейки чудно сочетался с темно-бордовым гранатовым соусом.

Вопрос Ханны Казимировны о содержимом будущего романа Кучерявый решил проигнорировать, надеясь, что, увлекшись едой, она про него подзабудет. И правда, та с аппетитом взялась за второе. Ее примеру последовали остальные.

– Ну, ребят, дижестивчику, так сказать, – дожевывая фасоль, произнес Джонни. – За знакомство!

Допив коньяк из граненого стакана, Кучерявый печально посмотрел на графины.

– А остатки куда? – ему срочно захотелось захватить сосуды в номера и там продолжить банкет.

– Не волнуйтесь, Арни, – мягко проговорила Настенька, – официант нам их на ужин вынесет. В палатах у нас есть еще заначка.

Кучерявый поразился поставленной на широкую ногу доставке спиртного в элитный санаторий.

– Здесь все так пьют? – он кинул взгляд на соседние столы.

– Не-е-е, – протянул Джонни, – у всех свои проблемы. Это наш стол так удачно подобрался. Возьмем Трофима-байкера, живущего в соседней со мной комнате. Он ударился при падении с мотоцикла головой и соображает плохо. Какое там пить! Или сосед Ханна Казимировны. Тот здесь прячется от правосудия. Хочет получить справку для суда о своей психической двинутости. Так он вообще в завязках. Ханна пыталась его вызвать на общение, но Забытько – кремень!

У Кучерявого в голове маленько зашумело: то ли от выпитого, то ли от получаемой информации.

– А что сделал Забытько? – спросил он.

– Убил жену, – спокойно ответила Ханна Казимировна. – Категорически не пьет. Прикидывается больным с провалами в памяти. Я его, конечно, понимаю – при таком раскладе пить нельзя. Проколоться ведь можно и справку не дадут.

Арнольд даже протрезвел.

– Всё равно же знают, что он косит. Ну проколется... Ничего страшного. Справку-то ему сделают независимо от... – поэт икнул, от стресса забыл, что находится в графинах, быстро налил себе в опустевший стакан «лимонадику» и тут же выпил. Джонни на него посмотрел с укоризной, однако, с пониманием.

– Видишь ли, Арни, – Депп хлопнул поэта по плечу, – сюда может нагрянуть следователь с вопросиками, может еще кто-то неудобный. А представь, Забытько напьется и будет не в форме. То есть, не сможет нормально изобразить сумасшедшего. Нет, я его понимаю. Расслабляться рано!

Кучерявый задержал дыхание, чтобы избавиться от неотпускавшей икоты – шампанское не помогло. Соседи по столу проявили сочувствие и налили ему еще шипучего: обычной водички или чайку в графинах не было. Шумно выдохнув, поэт медленно, большими глотками, как учила в детстве мама, начал пить. Немного отпустило.

– Хорошее шам... хороший, говорю, у вас лимонад!

– «Вдова Клико», – тихонько прошелестела Настенька.

В этот момент Кучерявый понял, что нагло пьет за счет товарищей по несчастью, а ведь денег у него нет. Гонорар из газеты переведут только в начале следующего месяца, а денег, которые у него остались, не хватит даже на глоток пресловутой «Вдовы». Надо сказать, поэт не знал, сколько стоит бутылка элитного шампанского, но догадывался, что очень дорого.

– Простите, господа, – несколько заискивающе проблеял Кучерявый, проклиная себя за раболепие, и ни к месту вспомнив про Кису Воробьянинова, чуть не сказал: «Подайте что-нибудь бывшему депутату Государственной думы», но вовремя сдержался, – у меня средств нет с вами расплатиться. Видите ли, мое здесь пребывание оплачивает редакция, а доход мой, мягко говоря, не велик. Спасибо за ваше гостеприимство, – Кучерявому продолжало быть противно слушать самого себя, – но впредь мне придется просить графин с наполнением, входящим в официальное меню санатория.

На минуту за столом установилась тишина: новые друзья поэта переваривали услышанное. Первой спохватилась Настенька.

– Что вы, Арнольд! Не думайте отказываться! Вы – представитель вымирающего класса русской интеллигенции. Вы пишете стихи и начинаете роман. Это ли не наша обязанность, святой долг – поддержать вас, чем можем! – У барышни горели глаза, она была полна энтузиазма помочь русской литературе в лице Кучерявого, а он, в очередной раз, подумал, что она как-то не тянет на болезную депрессию.

– Ну-у-у, – протянул Депп, – батенька, вы удивили! Настенька безусловно права! Конечно, мы с вас не возьмем ни копейки, пусть бы вы и предлагали. У меня богатые родители, они постоянно пополняют мой счет. У Настеньки муж, хоть последняя сволочь, но денежек ей дает, дабы она здесь получше лечилась и на волю не рвалась. Да, по большому счету, он тра-

тит ее собственные средства. У Ханны Казимировны тоже свои капиталы – она вообще ни от кого не зависит. Расслабьтесь, мой друг, пейте спокойно. Старайтесь днем не усердствовать, чтобы не дышать парами спирта в лицо медперсоналу, и не шататься слишком сильно.

– Опять же, вам роман писать, – вступила Ханна Казимировна, – поставьте себе норму в день, чтобы успеть к сроку. Днем пейте в меру, а вечером, исписав нужное количество страниц, спокойно пользуйтесь нашим баром.

Кучерявый едва не заплакал и, видимо от нахлынувших чувств, перестал икать. Он высморкался в салфетку, пригладил всклокоченные волосы и решил предложить тост.

– Друзья, давайте, на посошок. Сделаем еще по глоточку, потому что не могу не предложить поднять бокалы за вас, за людей, поддерживающих русское искусство от всего своего широкого сердца! Не все, поверьте, так тонки душой, – Кучерявый вспомнил чиновников от литературы из писательского союза и совсем было растрогался, но тут Депп разлил напитки по стаканам. Не чокаясь, они кивнули с пониманием друг другу, и от широкого сердца и тонкой души бодро выпили.

Бармен забрал графины со стола, официанты собрали тарелки. В столовую вошла Ангелина Федоровна и обратилась к постояльцам элитного санатория:

– Господа, прошу всех на время тихого часа пройти в свои комнаты. А вас, Арнольд Христофорович, попрошу любезно со мной.

Кучерявый вздрогнул: чего это ему с ней.

– Идите, Арни, – шепнула Настенька, – наверное, вам дадут распорядок вашего дня. Не бойтесь.

Воодушевленный словами милой барышни, поэт решительно шагнул навстречу Ангелине Федоровне. Он почувствовал, как его шатнуло. Пивал Кучерявый и побольше, но видимо, сказалось нервное напряжение, а также коньяк в смесях с дорогим шампанским, к которому организм поэта привычки не имел никакой.

– С вами все в порядке? – спросила администраторша.

– Да, ничего страшного, – Кучерявый собрал остатки сил и попытался сохранить душевное спокойствие и телесное равновесие. – Эмоции обуревают. Незнакомая обстановка. Не пил, опять-таки, со вчерашнего. Абсинеция, наверное, на почве отказа.

– Абстиненция, – поправила его Ангелина Федоровна, – это бывает. Не волнуйтесь. Вот ваше расписание на сегодня. Олег Евгеньевич решил дать вам полноценный отдых: только сон, прогулки и полезное питание. Завтра с утра, на пустой желудок сдадите анализы. После завтрака будете писать. Два часа. И час после дневного сна. Мы сверились – это самое продуктивное время для творчества. У нас Ханна Казимировна рисует и во время прогулок: мольберт с собой носит. Если вас это сильно не перенапряжет, можете тоже с собой на прогулки брать блокнотик с ручкой. Посмотрим, не многовато ли это. Но Олег Евгеньевич сверился с вашим договором с издательством. За год вы должны написать определенного объема роман, поэтому он поделил объем на количество дней в году и выделил ежедневно соответствующее количество часов на творчество. В первую неделю посмотрим, как вы будете справляться с заданной нормой. Если плохо, придется просить вашу редакцию продлить пребывание в санатории, так как увеличить часы, нанеся непоправимый урон вашему здоровью, мы не имеем никого права! Вашему здоровью и так нанесен достаточный урон! – заключила Ангелина Федоровна сурово. – Сейчас идите поспать. Дойдете? Помните, где ваша комната?

Кучерявый кивнул. В полузабытье он побрел к лестнице, с ужасом представляя, как будет выдавать норму. Знал поэт таких писателей... писателишек, писунов, графоманов от литературы, которые были способны ежедневно выдавать на-гора энное количество букв. Но он! Поэт! Человек вдохновения, порыва! Добравшись до второго этажа, Кучерявый обернулся. За ним шли все его соседи по столу.

– Плохо дело? – участливо спросил Депп, поравнявшись с новым другом.

– Плохо! – всхлипнул поэт. – Они мне тут норму прописали! Я должен каждый день писать в определенное время – это раз! Я должен выдавать определенное количество страниц, чтобы успеть к сроку сдать роман – это два! А если не буду успевать, меня здесь задержат дольше чем на год!

– Уроды, – проворчала Ханна Казимировна. – Так поступать с человеком высокого полета, который должен испытывать подъем, воодушевление! Которого должна посещать муза, в конце концов!

– Что-нибудь придумаем, – почесал в голове Джонни. – Не расстраивайся раньше времени. Когда тебе писать начинать? Уже сегодня?

Кучерявый протянул листок с расписанием.

– Нет, сегодня у меня отдых. Завтра с утра начинаю. Видите, после завтрака два часа и час после дневного сна. А еще щедро разрешили писать в «блокнотике», – последнее слово поэт произнес, ехидно копируя администраторшу, – во время прогулок. На вас, Ханна Казимировна, ссылались: мол, вы с мольбертом гуляете и рисуете, если хотите.

– Жесть! – заключила Ханна Казимировна. – Но мы вам поможем. Думаю, сегодня вечером надо собраться у меня и все обсудить. Поэта в обиду не дадим!

Глава 5. 9 апреля, суббота

Накануне вечером Кучерявый к своему удивлению обнаружил в элитной палате элитного санатория прекрасный бар. Ханна Казимировна проживала в трехкомнатных апартаментах, соседствовавших с еще более элитными пятикомнатными, где обитал, практически безвылазно, подсудимый миллионер Забытько. У Ханны Казимировны были прикормлены бармен Сева, делавший в столовой полезные напитки, и медсестра Глафира. Второго бармена – сменщика Севы, прикармливать не стали, так как по словам Джонни Деппа «лицо у него не вызывает доверия». Однако Джонни не дремал и завербовал в свои ряды медсестру Аннушку, которая быстро сдалась под натиском его харизмы.

Завербованная и прикормленные (разница состояла в необходимости или отсутствии оной платить этим людям деньги за услуги) постоянно поставляли своим клиентам спиртные напитки и закуски. Последнее было следствием того, что пациентам санатория прописывалось определенное меню. Большинство просто следовало принципам правильного и здорового питания, а некоторым прописывали даже более жесткий «стол». Нарушать меню, дополняя его разными изысками, не разрешалось, поэтому заказывать пациенты могли только вещи, не касавшиеся еды и питья: книги, краски для рисования, игры (умеренно), колготки для дам, носки для мужчин и далее в таком же духе.

– Как эта контрабанда проносится? – не верил своим глазам Кучерявый, разглядывая бутылки и закуски на столе в гостиной Ханны Казимировны.

– Ребята здесь не живут. Опять-таки, они выполняют заказы пациентов – обычных курьеров, конечно, сюда не пускают. Мы же тут вроде как анонимно лечимся, – начал объяснять Джонни Депп. – Они пакуют бутылки и снедь по коробкам, подписывают и заклеивают скотчем. Деньги мы им переводим на карточки. Главврач мог бы распорядиться проверять все коробки и пакеты, которые сюда нам привозят, но здесь есть люди, не терпящие вторжения в личное пространство. Лечение лечением, а есть вещи, не совместимые с анонимностью. Разве, например, Забытько, позволит проверять то, что ему передают... О, скандал случится тот еще. Короче, главное не звенеть бутылками. Ребята их прокладывают тщательно поролоном, а сами бутылки заворачивают в специальные упаковочные плотные пакеты. Тару мы ставим обратно в коробки, и наши помощники таким же манером их вывозят с территории.

– Ох, как здорово все продумано! – искренне восхитился поэт. – Ничего, что лечение идет не активно? Врача это не смущает?

– Что вы! – махнула рукой Настенька. – Ему ж деньги за нас платят или, как вот Ханна Казимировна и Забытько, сами пациенты оплачивают пребывание. Им даже выгодно нас тут держать подольше. Мне, кстати, дают таблетки от депрессии, они с алкоголем плохо сочетаются, и я их не пью. Джонни прописали что-то от его навязчивого состояния...

– У меня диссоциативное расстройство идентичности, – гордо назвал Депп свой диагноз. – Мне говорят, что я уникам, потому что при моем диагнозе обычно у человека бывает, как минимум, две личности, а во мне одна. Я есть Джонни Депп. Других личностей во мне нет.

– Чем объясняет сей феномен главврач? – искренне заинтересовался Кучерявый проблемой Джонни.

– Олег Евгеньевич считает, что вторая личность во мне глубоко спряталась и просто не проявляет себя, – для человека с расстроенной психикой Депп говорил вполне стройно. Однако Кучерявый вспомнил, что большинство психически ненормальных людей ведут себя на вид адекватно – так сразу про них и не скажешь. – Вот из меня и пытаются вытащить меня настоящего. Безуспешно.

– Это из-за того, что вы лекарства не принимаете? – опять встрял с вопросом поэт.

– Не! Это от того, что я нормален. Я – актер Джонни Депп. Лечить-то не от чего, – и он улыбнулся во весь белозубый рот, став еще больше похожим на своего альтер эго.

– Джонни в основном лечат при помощи гипноза, – заговорила Настенька. – Ничего не получается. Значит, он и в правду Джонни Депп, – заключила она уверенно.

Кучерявый боялся этого вопроса, но не удержался и задал его:

– Простите, а что тогда делать с настоящим... то есть, с тем Джонни Деппом, который в Америке снимается в кино?

Присутствующие засмеялись, будто он сказал полную ересь, и Арнольду стало немного неудобно от своей бестактности.

– Американский Джонни и есть ненастоящий! – заявил «настоящий» Джонни. – Он выдает себя за меня, поэтому я и попал в такой переplet! Когда я был в России на гастролях, меня подменили: в Штаты отправили другого человека, а меня оставили здесь. Но я не унываю, – Депп посмотрел на Кучерявого точно, как Джек Воробей. Впрочем, кроме фильма про пиратов поэт особо ничего и не припомнил бы.

В итоге план действий для Арни так и не составили, решив отложить важные решения на завтра, – уж больно хорошо текли беседа и напитки.

На следующий день после завтрака Кучерявый понуро побрел в свою комнату отрабатывать два часа, которые должен был посвятить написанию романа. Мобильный телефон поэту оставили, поэтому он решил проконсультироваться с Витьком Поляной – иногда Витёк мог дать действительно полезный совет в творческом плане. Друг ответил мгновенно:

– Арни, дружище, ты там как? Я за тебя вчера аж переволновался! – прокричал он в телефон.

– Нормально, – честно ответил Кучерявый. – Сносно, – он не стал рассказывать про алкогольные послабления: мало ли, вдруг прослушка. Говорят, все мобильные телефоны кто-то там слушает и даже рекламу выдает согласно прослушанному контенту.

– А я, прикинь, посеял визитку с телефоном вашей тетки, которая дает разрешение на посещения. На ней и адрес санатория. Короче, куда-то делась. Ты уточни, раз тебе телефон отдали, можно ли мне приехать и куда направляться.

– Конечно, Витёк! – искренне возрадовался порыву друга его посетить Кучерявый: без привычного окружения, несмотря на наличие новых друзей, было несколько печально. – Но у меня к тебе вопрос важный.

– Валяй! – Витёк тоже расслабился, услышав голос друга и узнав, что у того все в порядке.

– Понимаешь, я никогда не писал большой прозы, романов не писал. С чего бы начать, а? Я, понятное дело, посмотрю в Сети, какие советы дают начинающим романистам, но вдруг ты мне дашь сразу дельный совет, вот без этого всего лишнего шебуршания.

Витёк откашлялся.

– Сейчас у меня будет каминг-аут, – в итоге проговорил он.

– Что у тебя будет?! – Кучерявый, мягко говоря, опешил. Он попытался вспомнить значение странного слова, употребленного Витьком Поляной, но на ум приходили всякие непотребства, в которые, в применении к Витьку, верить не хотелось.

– Ну, сейчас я тебе раскрою свой секрет, понимаешь? – опять закашлялся Витёк. – То, что я скрываю от общественности. Короче, Арни, я издаюсь под женским псевдонимом. Понимаешь? Пишу романы, их издают, но под женским именем. Никому об этом не говорю, потому что, Арни, мне стыдно о таком говорить. Поверь, это только для заработка. Ты же знаешь, поэтов не читают. Да и не издают особо. А бабские романтические сопли идут на ура... Вот... – и Витёк засопел в трубку.

Кучерявый быстро переварил информацию и решил, что это не худший каминг-аут, который он слышал в жизни. И, действительно, понять Витька можно вполне. Вот он, Кучерявый, собирается писать роман, да еще и про дьявола, который должен делать добрые дела (концепцию пока поэт до конца не осознал). Уж лучше, кстати, писать под псевдонимом – хоть под женским, хоть под каким.

– Нормуль, Витёк, не волнуйся. А как тебя зовут?

– Элеонора Саксен, – проблеял друг.

– Э-э-э, отличный псевдоним! А про что ты пишешь? – Кучерявый забыл о своем вопросе, заинтересовавшись неизвестной ему доселе страницей биографии своего друга.

– Пишу полную чушь. Ромфант пишу. Про женщин, которые попадают в другой мир, где всякие там эльфы, драконы. Сейчас новый цикл начал. Прекрасно продается, издательство просит продолжать. Называется цикл «Невольница». Вторую книгу сдал, приступаю к третьей. Там наша девица попадает в мир Востока, но это, конечно, не настоящий наш восточный мир, однако, его основные черты присутствуют. Короче, там она попадает в плен к Султану, а у них любовь, а ему нельзя с ней... Первая книга называлась «Невольница и Султан», вторая «Невольница-беглянка». Третью озаглавил «Месть невольницы».

Ошарашенный, Кучерявый попросил Витька подарить ему при случае свой новый роман. Витёк радостно согласился. За это время Кучерявый успел набить в поисковике на ноуте «Элеонора Саксен книги» и обнаружил, что Витёк весьма плодовит, а тиражам можно позавидовать. И тут он вспомнил, зачем звонил.

– Витёк, так ты мне поможешь? С твоим-то опытом! С чего мне начинать писать роман?

– Сначала нужна общая концепция, – бодро начал вещать Витёк. – Возьмем мой последний цикл или, как сейчас все говорят, крайний. Крайний цикл возьмем. Сначала я придумал концепцию, то есть, о чем будет цикл. Цикл будет о девице, попавшей в Восточную сказку. И там ее приключения. Конкретно в первой книге – приключения во дворце Султана, чьей невольницей она стала. Потом пишу план романа. Поэпизодник я лично не пишу – мне хватает общего плана по главам. После этого начинаю писать эти самые главы.

– Значит мне с концепции надо начать... – с концепцией у Кучерявого и была беда. – А как тебе приходит концепция в голову? Не, тебе, Витёк, проще. А мне откуда брать концепцию? Прочитать книжки на тему доброго дьявола? Времени-то особо нет. И потом, повторяться тоже не хочется. За такие-то деньги надо попробовать выдать оригинальную идею.

– Ты мне дома сказал что-то типа «отправить волонтером делать добрые дела». Пусть и в самом деле поработает волонтером, – предложил Витёк. – Подумай. Свежо и оригинально.

На этом друзья закончили разговор, и Кучерявый засел за описание концепции. Вскоре два часа, отведенные на работу над романом, истекли. Теперь полагалось пойти в ресторан на второй завтрак. Оказалось, что именно он и сервируется в виде шведского стола. Кучерявый взял себе печеное яблоко с медом и ванилью, ряженку и присел за свой стол. Вскоре к нему подсади остальные.

– Сейчас гулять пойдем, – объявила Ханна Казимировна, – и обсудим, как тебе помочь. – Накануне вечером все дружно перешли с поэтом на «ты».

Прогуливались пациенты санатория по огромному парку, раскинувшемуся вокруг особняка. В нем росло множество вечнозеленых деревьев, а на остальных уже начали пробиваться первые листья. То тут, то там мелькали мраморные скульптуры, будто притаившиеся, чтобы подслушать людские разговоры.

– Видишь, Арни, вон камера и здесь еще одна, – показывал Джонни Депп. – Навязчивости в слежке за нами нет, но по всему парку развешаны камеры, в которые постоянно смотрит охрана. У них домик стоит возле въезда на территорию. По периметру всего забора проходит ток, так же как у нас по периметру окон и балконов.

– То есть, убежать отсюда нельзя, – констатировал Кучерявый, правда, пока планы бегства ему все равно в голову особо не приходили.

– Нет, только если официально выписывают или родственники забирают под собственную ответственность.

– Но я же свободный гражданин... – полуспросил поэт, непривычный ни к какому стеснению своих порывов.

Ханна Казимировна вздохнула.

– Понимаешь, Арни, – она остановилась и посмотрела прямо ему в глаза, – тебе стоит осознать одну вещь. Это – психиатрическая лечебница, формально, по документам. Да, элитная и сильно платная, и тем не менее. У них лицензия, и даже суды официально признают выписанные ими справки. Другое дело, что буйных они сами не берут – неохота возиться. С остальными так: кого сдали родственники, утомившиеся от наших сдвигов, – она хмыкнула, – кто сам пришел. Я вот сама пришла, в отличие от того же байкера Трофима, у которого реальная беда с головой, и родственники все справки от врачей приложили – его без их согласия не выпустят. Поэтому мне уйти проще. Настеньке тоже не сложно, хотя ее и муж сдал, но у нее обычная депрессия, и держать ее против воли сильно не будут. Джонни сюда поместили родители, так как уверовали, что их сын – не Депп. Тебя поместило издательство, но с таким случаем я не сталкивалась. Неизвестно, что там у них в договоре с санаторием прописано. Однако не думаю, что тебя легко отпустят: не ты платил за пребывание, могут быть прописаны какие-то неустойки, если ты, Арни, отсюда по своей воле уйдешь и роман не напишешь.

Кучерявый стоял и переваривал услышанное. Почему-то он думал, что будь его воля, он без проблем выйдет за ворота. Да, он потеряет гонорар за роман, но вольному воля. А тут вот как выходит...

– Не расстраивайся, – Настенька тронула поэта за руку, – мне кажется, в твоем случае все просто: издатели действительно волнуются, что ты не допишешь роман, поэтому решились на подобный шаг.

– Кстати! – вскричала Ханна Казимировна. – Роман!

Вкратце Кучерявый описал идею редакции и что они успели придумать с Витьком утром.

– Мой положительный дьявол будет работать волонтером и делать хорошие дела – такая мысль. Этого, конечно, мало, но хоть что-то. Я вообще не привык работать по часам. Да и стихи иначе пишутся. Тут нужен другой подход. Попытался план написать по совету друга, но меня застропорило на конкретных сюжетных линиях. Что конкретно-то он делать доброго будет? Бабушек через дорогу переводить?

– Это уже было, – на полном серьезе ответил Депп.

– А если тебе представить, что дьявол – это тот самый издатель, который тебе заказал роман? – неожиданно предложила Настенька. – Пока пиши о том, что с тобой реально происходило, ведь большой гонорар, такой договор – на самом деле хорошее дело. Кого-нибудь там можешь представить себе дьяволом?

Кучерявый задумался и кивнул.

– Вполне сойдет тот, кто у них за главного – Теодор.

– Отличная мысль! – согласился Депп. – Пока ставь ему заглавную Д, потом как-нибудь переименуешь из Теодора, а то он сразу просечет, что это про него ты пишешь. Вряд ли издатель захочет быть прототипом дьявола, пусть и доброго.

– Супер! – Ханна Казимировна тоже выразила полную поддержку. – Начнешь писать про реальные события, а там и придумается что-то дополнительно. Главное, у тебя уже есть прототипы героев. Себя тоже туда впиши под другим именем.

– Нас можешь задействовать, – щедро предложил Депп. – Тоже, естественно, под вымышленными именами.

Тут Кучерявый вспомнил, что ему Фаланд обещал и другие добрые дела: восстановление в писательском союзе, пиар... Да, для начала есть уже материал. И ниточка потянулась, благодаря помощи друзей.

Вечером Кучерявый получил от Витька Поляны файл с его романом «Невольница и Султан» и комментарием: «Арни, дружище, не смею навязываться, но мало ли – пригодится». Для лучшего засыпания Кучерявый открыл файл и начал читать.

...она окинула взором огромную спальню. Вокруг были разбросаны подушки, на столиках стояли вазы с благоухающими цветами, тарелки с засахаренными и свежими экзотическими фруктами, манящие к себе сладости. Вдруг Амелия обнаружила, что на ней нет джинсов и футболки, которые она надела утром. Вместо этого красовались тончайшего шелка кофточка, вся переливающаяся разноцветными, блестящими нитями, которыми были вышиты узоры, и полупрозрачные шаровары – такие же блестящие, как и топ. На ногах Амелия обнаружила, вместо привычных кроссовок, золотистые туфельки без пятки, с зауженным носком и невысоким каблучком в форме рюмки...

– Без рюмки никуда, – проворчал Кучерявый, переворачивая страницу. – Витёк в своем репертуаре. Странно, что на столики водки не поставил.

Сидела Амелия на большом, невысоком ложе, над которым нависал длинный балдахин. От балкона веяло прохладой раннего летнего утра. Девушка решила посмотреть, что же там, за окном, но в этот момент в комнату вошел мужчина.

– Проснулась? Хорошо. Сейчас тебе помогут привести себя в порядок, а потом мы вместе позавтракаем. И поторопись. Я не стал сегодня тебя будить, но обычно мы встаем раньше.

Мужчине Амелия дала бы лет шестьдесят. Он был невысокого роста, не толстый, но крепкий – с мускулистыми руками и торсом, как у фитнес-тренера. Волосы покрыла седина, крупные черты лица выдавали натуру решительную и жесткую. На мужчине тоже были шаровары, но из плотной ткани; широкий пояс обхватывал талию; короткая рубашка, распашнутая на груди, не скрывала волнующего рельефа тела...

– Тыфу ты, «волнующий рельеф тела», – возмутился Кучерявый, но потом вспомнил о целевой читательской аудитории романа и простил друга за несуразную фразу.

– Кто вы и где я нахожусь? – спросила растерянная Амелия, пытавшаяся не разглядывать мужчину так откровенно.

– Позже поговорим, – резко ответил он. – Пока, чтобы ты быстрее двигалась, скажу лишь одно: я – султан Фарид Садриддин Муллозода. Советую со мной не спорить и не задавать лишних вопросов. – Султан громко хлопнул в ладоши, и, как из-под земли, появились три молодые женщины. Одна держала в руках одежду, другая – поднос с какими-то бутылочками, третья – стопку полотенец. – Ты моя невольница, – снова заговорил Султан, – но высшей касты, поэтому тебе положены служанки. Они будут выполнять любые твои пожелания, кроме тех, которые противоречат моим указаниям и законам моей страны, что, в общем-то, одно и то же, – Фарид усмехнулся. – И, да, если я просил поторопиться, не нужно сидеть истуканом на постели. Шевелись!

Амелия начала сползать с постели. Ее единственным желанием было попасть снова домой, но она даже не сомневалась, что это противоречит указаниям Султана. Служанки подошли к девушке и принялись ее раздевать. Попытки сопротивляться и крики «я сама!» привели только к тому, что Султан расхохотался. Он вышел из комнаты, а служанки повели обнаженную Амелию в ванну. Скорее, она бы назвала это бассейном...

Кучерявый заснул. Мобильный тоже впал в сон, упав на живот хозяина, а потом и вовсе соскользнул на постель. Во сне поэту снился султан Фарид Садриддин Муллозода, странным образом похожий на Фаланда. Он бегал по Москве и раздавал всем поэтам договора на романы.

Поэты возражали, однако, один за другим, соглашались, потому что цифирь в договоре стояла весьма внушительная.

Глава 6. 11 апреля, понедельник

В воскресенье Виктор Поляна перебрал со спиртным. Его позвали на поэтическое биеннале, а, как ни назови, все заканчивается банальной пьянкой. В кафе «Подвальчик» сначала, понятное дело, читали стихи. Биеннале посвящалось великому страдальцу земли русской, малоизвестному, но тем не менее гениальному поэту, бежавшему после Революции в Париж и там написавшему самые известные строки. Среди Витькиных любимых стихотворений было то, которое он читал на биеннале:

*Зачем ты умер, белый офицер,
Ты мог бы жить, стихи слагать и петь.
Но опустел давно уже партер.
Галерка шумная нам расставляет сеть.*

*Зачем уплыл последний пароход,
Увез твою жену в заплаканной вуали.
Она в Москве давно уж не живет,
Забыв России снежные печали.*

*И не вини галерку в этом зле.
Она галеркой, к сожаленью, и осталась.
Ну а в партере, как в кошмарном сне,
Сидят лишь новые тупые генералы.*

*Давай, поручик, бей по струнам, бей,
И заглуши шампанским память злую.
Да, было хорошо в России, пей!
За славу, за любовь свою былую!*

Окончательно растрогавшись, вскоре публика начала пить, вспоминая обитателей кладбища Сент-Женевьев-де-Буа. Привидение за привидением присаживалось на барную стойку – так, по крайней мере, казалось Витьке после третьей бутылки водки. Бунин беседовал с Тарковским, Нуреев на пуантах в розовой пачке проскакал по кафе и скрылся в районе туалета, за ним, крутя фуэте, последовала Матильда Кшесинская. Гиппиус встала возле выступавшего на сцене и начала читать своё, несколько военных в белогвардейской форме прошествовали в направлении кухни...

Закусок на столы поставили мало, а за свой счет Поляна на мероприятиях не закусывал принципиально. Одно дело – с товарищами посидеть, совсем другое – презентация какая или биеннале. Хотите, чтобы поэт у вас выступил – извольте угостить поэта. Примерно так рассуждал Витёк, а потому, скушав несколько бутербродов, оказался возле пустых тарелок, так как остальные поэты тоже бутербродами не погнушались. Как домой доехал, Витёк не помнил совершенно, но, не досчитавшись четырёхсот пятидесяти рублей, понял, что, видимо, ехал на такси. Мог, конечно, поступившись принципами, потратить эту сумму на закуску, однако, вряд ли.

Наутро понедельника голова трещала неимоверно. Во рту витал противный привкус, будто в него коты справили нужду (почему коты не спрашивайте – так это увидел поэт), страшно хотелось пить, а лучше выпить. Желудок, в который накануне вечером попали в основном калории, содержащиеся в спиртном, неприятно урчал. Витёк спустил ноги с дивана на пол, вследствие чего потолок качнулся, а стены поплыли в сторону окна. Попытавшись сконцентрироваться, Поляна потряс головой, а зря: теперь перед его взором раздвоилась мебель.

Более того, в проёме двери появилось две поэтессы Агаты Агафоновы, практически в неглиже, точнее, в Поляновой рубашке и полотенце, намотанном на голову.

– Агата? – просипел Витёк, умом осознавая, что поэтесса одна. – Ты чего тут?

Он понимал, что ничего такого между ними не случилось, хотя бы по причине полной неспособности Витька в сильно пьяном виде к соитию. Так-то Агата выглядела весьма неплохо, можно сказать, даже привлекательно. Ей недавно исполнилось двадцать пять (праздновали, помнил Витёк, в Доме писателей), длинные, прямые, иссиня-черные, как у ведьмы, волосы ниспадали до пояса, контрастируя с голубыми глазами. Витёк был уверен – волосы крашенные: природа явно изначально запланировала для поэтессы более подходящий к глазам цвет. Сопровождение Агатой его домой не удивило, ведь жила она в однокомнатной квартире с двумя подругами. В бытность учёбы в писательском институте ей выделили комнату в общежитии, но после пришлось снимать на свои, поэтому они втроем и теснились в однушке. А дабы пореже сталкиваться с соседками Агата не чуралась ночевать у знакомых.

– Витенька, не помнишь ничегошеньки? – ответила одна из Агат. – Впрочем, кто бы сомневался, – она расхохоталась. – Ты упился вдрызг! Звал меня продолжать банкет, но я решила увезти тебя домой. Ты ж на ногах не стоял. Как самочувствие? – спросила она без паузы.

– Плохо, – не стал кривить душой Витёк, – хочется есть, выпить и снова прилечь... Ох, ты ж! – хлопнул он себя по лбу. – Я же обещал Кучерявого навестить!

– Арни? А что с ним? Где навестить: в тюрьме или больничке?

– Типун тебе на язык! – Витёк потряс головой, пытаясь создать из двух Агат и двойного комплекта мебели по одному экземпляру. – Арни в санатории. Роман пишет. Заодно лечится от алкоголизма.

– Роман? Он же поэт! – не поняла поэтесса, чутко относившаяся к творческому процессу. Сама она неплохо зарабатывала на выступлениях, умудряясь продавать на них билеты, а в процессе мероприятия продавать свои книжки. На отдельную московскую квартиру дохода категорически не хватало, но на житьё-бытьё вполне. Писала Агафонова в стиле нуар, надевая на выступления темные одеяния в тон волосам. Во время чтения стихотворений играла нагоняющая тоску музыка; Агата читала, чуть завывая, слегка постанывая и раскачиваясь из стороны в сторону. Любители всякой вампирщины к ней валом валили. Правда, Поляна не исключал, что Агата вполне могла тайком, под псевдонимом, писать какие-нибудь иронические детективы, а то и, как он, ромфант...

– Там еда какая есть? Глянь, пожалуйста, на кухне. И выпить. И таблетку от головы. Я тебе всё расскажу, – пообещал страдающий похмельем Витёк.

Агата пошла на кухню и прокричала оттуда:

– Пусто тут у тебя, я заказала доставку! Из бутылок есть ром! То есть, я надаю, что там ром, а не отравка какая-нибудь!

Витёк собрал волю в кулак и пошаркал на кухню. Ром манил, помогая передвигаться чуть быстрее. В отличие от Агаты, поэт помнил, что подарил ром редактор отдела фантастики издательства Мосэк, вернувшись с Кубы на прошлой неделе, поэтому в бутылке никакой отравы быть не могло.

– Чем запивать будем? – прямо с порога спросил Витёк Агафонову.

– Сок заказала. Можем даже наболтать коктейль. Вот тут есть рецепт. – Агата крутила в руках бутылку, изучая этикетки.

От слова «наболтать» отчего-то стало Витьку хреновато, но он взял себя в руки и уселся на стул. В дверь забарабанили, так как звонка Витёк не имел с незапамятных времен. Трёхкомнатная квартира досталась поэту от бабушки с дедушкой. Старый звонок давно сломался, а чинить его было недосуг, да и незачем.

Агата вернулась на кухню с двумя мешками снеди, расставила продукты на столе, благо ничего из заказанного готовки не требовало.

– Глаш, а ты готовить умеешь? – не без ехидцы поинтересовался Поляна, распечатывая упаковку с колбасной нарезкой.

Поэтесса махнула рукой.

– Я не Глаша, во-первых! С ума сошёл? Зачем? Во-вторых.

Ответа на прямой вопрос у Витька не было, и он потянулся за ромом. После стакана с благородным напитком (половина стакана – ром, половина – яблочный сок; добавлять спрайт, лёд и соблюдать указанные в рецепте на этикетке пропорции не стали) Агата снова спросила, чего там стряслось с Кучерявым.

– К нему обратилась редакция Мосэка, – начал говорить Витёк. – Попросили написать роман...

– Он же поэт, – встряла Агата.

– Поэт, – кивнул, не возражая Поляна. – Но Арни сказали, что он талант, и посулили огромный гонорар. – Заметив попытку Агаты снова открыть рот и задать вопрос, Витёк пошёл на опережение, хотя это давалось замутненному мозгу с трудом, но ром и анальгин начали делать свое благое дело, и Витёк справился с задачей: – Не спрашивай, откуда они о нём узнали. Я не в курсе. Откуда-то. Мало ли, может, кто рекомендовал. Короче, заказали и подписали с ним договор. Я лично его видел. Договор. Видел. – Силы снова покинули Витька, и он яростно начал жевать квашенную капусту. Запил ромом, затем продолжил: – Как друг, я не мог бросить Арни в сложной ситуации. Понимаешь, условием для этой договорённости было помещение Кучерявого в элитный санаторий. На время написания романа. И чтоб – ни-ни! – Витёк помогал пальцем возле Агатового носа.

– В смысле не пить? – уточнила поэтесса, округлив глаза.

– В нём самом, в этом самом смысле.

– Это как поэта Хорошего упекли?

– Надеюсь, Арни минует чаша сия! Вот почему я хотел его сегодня проведать. Но, представь, визитка, которую мне дала администраторша санатория, куда-то запропастилась. Выпала, наверное, когда домой возвращался. Теперь придется искать этот самый санаторий в Интернете.

Агата отхлебнула рома и ушла в комнату. Через минуту она вернулась уже с ноутом.

– Как называется санаторий твой? – поэтесса защелкала клавишами.

– Не знаю, – понуро ответил Витёк. – Ни на въезде не заметил названия, ни на визитке. Знаешь, было не до того. Переживал я за Арни очень.

– Надо в редакцию позвонить, – предложила Агата. – Как зовут редактора? Что за редакция?

Вздыхнув, Поляна нахмурил лоб.

– Теодор Фаланд. Остальных не помню. Название редакции... тоже не помню. Ох, я же взял с собой договор Кучерявого, на всякий случай. – И Витёк отправился в комнату на поиски. Вернулся он с пустыми руками. – Я идиот. Договора нет.

За это время Агата успела поискать в Мосэке Фаланда.

– Не нашла я такого. Но в сети его может и не быть – ничего странного. А на запрос «элитные санатории Подмосковья» вылезает слишком много вариантов. Где находится он, даже не спрашиваю.

– Не спрашивай, – опять вздохнул Витёк. – Помню, высадили меня возле метро Новопеределкино. Но до него мы ехали прилично. Сколько «прилично» не спрашивай.

На кухне установилась тишина, нарушаемая лишь звоном вилок, шуршанием упаковок, звуком наливающейся в стаканы жидкости. Витёк чувствовал глубокий стыд за то, что так глупо потерял друга, и не представлял, как поступать дальше. Наверное, следовало попросить

своего редактора разузнать координаты Фаланда, хотя станет ли он бегать по огромному издательству, вопрошая, не знает ли кто какого-то редактора из не пойми какого отдела. Не в кадры же идти.

– О! – воскликнула Агата. Витёк вздрогнул и уронил обратно в тарелку огурец. – Смотри, есть такая редакция. Вот сейчас в поиске вылезло: «Редакция Теодора Фаланда».

Агата взяла мобильный и набила номер редакции, поставив телефон на громкую связь.

– Издательство Мосэк, здравствуйте, – поприветствовал их женский голос.

– Доброго дня. Соедините, пожалуйста, с редакцией Теодора Фаланда, – сладко проворковала Агата.

– С редакциями не соединяем. Пишите им на электронную почту, – отрезала женщина.

– Но я с ними подписала договор, – несчастным голосом, натурально всхлипывая, простенала опытная в таких делах поэтесса, – потеряла визитку, договор потеряла, – всхлинула она, – па-а-жа-а-а-луста-а-а!

– Девушка, я вас понимаю, – более мягко отозвались на том конце трубки, – что ж вы так. Но у нас большое издательство. Могу дать только добавочный. Только боюсь, там не ответят. Не представляете, как достают авторы! Если не ответят, перезвоните, скажите ваши имя, отчество, фамилию – я запрошу в договорном отделе для вас копию договора.

Согласившись на добавочный, Агата дала отбой и начала заново набирать номер. Как и предсказывала секретарь, по нему никто не взял трубку.

– Вить, а сказать данные Арни я не смогу! Надо было тебе звонить.

– Почему? – не понял Поляна.

– Потому что ты мужик, а я – баба. Как я ей буду диктовать «свой» имя и фамилию? В любом случае, пока она запросит договор, пока мне отдадут копию... Это у них растянется на несколько недель.

Будучи знаком с Мосэком не понаслышке, Витёк согласно кивнул.

– Чего делать? Жесть какая-то.

– Вить, а Кучерявому мы позвонить никак не можем? – спросила Агата. – Наверное, он знает, где находится. Или спросит там кого.

Витёк хлопнул себя по лбу. Потом налил в стакан чистого рому и выпил залпом. Агата смотрела на поэта, мягко говоря, удивлённо, однако, зная по себе буйную поэтову натуру, не вмешивалась и ждала, пока пройдёт приступ. И, действительно, после выпитого Поляне явно полегчало.

– Пить надо меньше, – философски произнёс он, – или выпросить у редакции творческий отпуск в элитный санаторий. Видишь, что творится?! – Агата не видела, но кивнула, не желая вызвать у Витька негативной реакции. – В субботу я разговаривал с другом по телефону, выслал ему свой роман...

– Роман? Вить, тебе точно бросать пить надо. Ты же поэт! – воскликнула Агата, не на шутку испугавшись за коллегу по перу.

Витёк спохватился: о его романтически-фэнтезийных романах никто не знал. В субботу первому он открыл тайну Кучерявому и вот – проговорился.

– Прости! Чего-то несёт меня, – пробурчал он. – Это всё Арни со своим заказом на роман. Короче, он мне звонил. С ним порядок. Советовался по поводу романа. Ему выделили определенное время для его написания, потому что санаторий – режимное предприятие, а поэты – не режимные, сама понимаешь. Вот, спрашивал Арни, как писать по графику. Короче, сейчас я ему наберу и спрошу, как до него добраться.

Через минуту Кучерявый ответил:

– Привет, Витёк! Спасибо тебе за советы!

Чтобы не спалиться, громкую связь Поляна выключил и на всякий случай сразу перебил друга:

– Арни, я тебя забыл спросить про посещения. Хотел бы тебя навестить.

– И я, и я хотела бы, – закричала Агата, которой стало страсть как любопытно поглазеть на элитный санаторий и трезвого Кучерявого.

– Вот и Агата хочет навестить. Ты же помнишь Агату Агафонову? – спросил Витёк, прекрасно понимая, что не помнить Агату нельзя: сколько вместе биеннале посетили, сколько водки выпили. В подтверждение нелепости вопроса Агата злобно шикнула на Поляну и пре-больно пнула его по ноге.

– Надо уточнить, как тут у них с посещениями, – ответил Кучерявый, соскучившийся по друзьям. – Я спрошу и перезвоню.

– Стой! Стой, Арни! – завопил Витёк. – Я же потерял визитку с адресом, а дорогу и вовсе не запомнил. Ты заодно адресок санатория уточни и как добираться к вам. Мы ж на машине ехали, а я на тебя больше смотрел чем по сторонам. А и какие стороны, Арни! Мы ж в скорой ехали – там и смотреть некуда. Короче, ты уточни адресок!

Кучерявый пообещал узнать всю информацию и сразу перезвонить.

Звонок раздался к вечеру: Кучерявого водили на процедуры, потом он полдничал, затем тайно пил в палате Ханны Казимировны, ужинал и всё никак не мог поделиться полученной информацией с Витьком. Наконец, после вечерней трапезы, уже чутка в подпитии Кучерявый позвонил Витьку. Тот тоже не пребывал в трезвости, но попытался сосредоточиться, взяв в помощницы Агату, решив, что четыре уха и две головы, пусть и выпившие ром, сбегавшие за водкой, употребившие ее тоже, лучше, чем два уха и одна голова в том же состоянии.

– Витёк! Слушай! – в интонациях друга сквозило что-то безумно знакомое, но Поляна подумал, что это ему мерещится, так как друг пьяным быть не может – он же в элитном санатории пишет роман и не пьёт категорически. – Приезжать можно раз в месяц, в последнее воскресенье. Чаше только передачи передавать. – Кучерявый заржал. – Иначе ты на меня плохо повлияешь и Агатка тоже плохо повлияет. – Витёк аж трезветь начал: Арни явно был пьян, но спрашивать стало неудобно. – Так что теперь в конце апреля приезжай. Я как раз подумаю, не надо ли мне чего.

– Арни, адрес диктуй! – скомандовал Витёк, понимая, что лучше сейчас спросить всё сразу и заранее проложить маршрут. Вряд ли редакция повезёт его в санаторий еще раз. Витёк вообще сомневался, что они будут навещать Кучерявого. Он им не друг, а рабочая сила. Капиталисты, бизнесмены от литературы! Поляна расстроился...

– Понимаешь, у них тут как такового адреса нет, – прервал печальные раздумья друга Кучерявый. – Сайта у них нет, так как здесь лечатся всякие шишки, ну, олигархи, понимаешь. Им нужна анонимность, и абы кого сюда не берут. С улицы, Витёк, людей не берут, – в голосе Кучерявого послышались горделивые нотки. – В общем, едешь до станции Новопеределкино (тут Поляна порадовался за себя – помнит правильно), потом надо доехать до указателя на пансионат «Белые дачи» и свернуть налево. Далее ехать прямо, пока не уткнешься в наш элитный санаторий. Это, если на машине.

Витёк прервал речь друга:

– Арни, с другого конца Москвы, к тому же за город, скорее всего, будет дорого. Говори, как без такси.

– Слушай, а я подумал, ты большие деньги получаешь за свои романы. Там тиражи хорошие...

Опять Поляна постарался быстрее прервать Кучерявого, чтобы Агата не услышала лишнего:

– Давай, короче, как там без машины.

– На маршрутке можно от метро доехать до пансионата «Белые дачи». В пансионате спросить, как дойти до элитного санатория «Заоблачные дали». Идти около километра, не больше.

Формально адрес санатория совпадает с адресом пансионата. От указателя идти не советовали – лучше не просить там высаживать. Дорога петляет и пешком добираться гораздо дольше. А от пансионата покажут.

Витёк все инструкции законспектировал на полях лежавшей на подоконнике «Писательской газеты». Так как места категорически не хватало (изначально Витёк думал, ему надо будет записать адрес и название санатория, но оказалось, всё куда витиеватее), Поляна залез в стихотворение собственного сочинения (газета была открыта именно на этой странице – Витёк периодически перечитывал свою подборку) и вписывал информацию между катренами. Агата и так и эдак крутила головой, пытаясь следить за появлявшимися на газете каракулями коллеги по перу. Разобрав название «Заоблачные дали», она забила его в поисковик, но, как и предсказывал Кучерявый, таковой санаторий – ни элитный, ни обычный – не нашелся. Потом она набила «Белые дачи» и тут же выскочила ссылка на сайт. На карте рядом с пансионатом, действительно, обозначили большое здание, но никаких подписей, которые бы указывали на то, что в нем расположено, не наблюдалось.

– Прикинь, наш Арни – олигарх под прикрытием! – закончив говорить с Кучерявым, с ухмылкой произнес Поляна. – «Туда, Витёк, с улицы не берут», – передразнил он друга, – «наш элитный санаторий», видишь ли. Понимаешь, Глаш...

– Я Агата, – привычно поправила Агафонова.

– Понимаешь, Агата, как людей портят деньги и слава! То есть, ни того ни другого пока нет, но человек уже испортился! Более того, ты не поверишь, но мне показалось, что Арни нетрезв!

– Его же там от этого лечат? – спросила на всякий случай Агата, к вечеру не очень уверенная в своих воспоминаниях о предмете разговора.

– Должны лечить, должны! Но лечат ли? Короче, наш Арни подписывает договор на роман за кругленький гонорарец, его везут в элитный санаторий писать эту нетленку на всём готовеньком, а он еще, сволочь, пьёт!

Зависть – чувство плохое, тем не менее, Поляна никак не мог отделаться от ощущения, что начинает другу завидовать. Вот он, Виктор Поляна, пашет на ниве высокого искусства, и тайком пишет ромфант, чтобы заработать на хлеб насущный. Да, Арни прав, заработок выходит неплохой, так и сколько душевных сил тратится!

– Вот ты скажи мне, – обратился он к Агате, делавшей себе «отвертку» из водки и апельсинового сока, – ты ромфант любишь?

Агата отвлеклась от стакана.

– Что я люблю?

– Романтическое фэнтези. Например, попадает наша простая русская баба в другой мир. Там её любят принцы, эльфы и драконы. Хотя здесь она не была нужна никому, даже сантехнику Васе.

– Поняла. Нет, нет не люблю. Такой тип женщин, как я, не читает подобную литературу. Я всё понимаю, но нет! Кстати, моя подруга, с которой мы живем вместе еще с общаги, читает. Я видела своими глазами! – последнюю фразу Агата произнесла громким шепотом, округлив глаза.

– Кто у неё любимый автор? – не удержался от вопроса Витёк.

– Не автор – авторесса! Я почему запомнила: имечко у мадам больно вычурное. Элеонора Саксен! Подруга сказала, что эта писательница сейчас одна из самых крутых! Куда мы, Вить, катимся!

Несмотря на заключительную реплику, Витьку стало приятно. Однако почитать на лаврах своего альтер эго долго ему не дали: позвонил Арни.

– Витёк, просьба у меня к тебе. Ты, пожалуйста, хоть раз в неделю навещайся ко мне в квартиру. Тебе ж недалеко. А то я тут надолго. Чтоб присматривать. Мне примерещилось,

что Фаланд с помощниками обещали туда приезжать, чуть ни перенести туда редакцию. Но я был... ну, ты помнишь, не очень в состоянии воспринимать действительность. Поэтому ты уж возьми на себя труд, Витёк. Сильно сомневаюсь в том, что Фаланд там появится.

Поляна друга понимал прекрасно и, несмотря на щедроты редакции, тоже не был уверен в их альтруизме.

– Конечно, Арни! Не беспокойся. Буду ездить к тебе регулярно.

В этот момент Агата, поняв, что происходит, затрясла Витька за рукав.

– Скажи ему, я туда перееду! Скажи, Вить! – шипела она. – Цветочки поливать буду...

– Нет у него цветочков, – попытался стряхнуть со своей руки Агатову Поляна.

– Что там у вас? – спросил Кучерявый.

– Арни, давай я у тебя поживу! – закричала в мобильный Витька Агата. – Присмотрю за хозяйством!

– Ладно, поживи. Почему нет, – покладисто согласился Кучерявый. – Ключи запасные у Витька. Съездите в первый раз вместе с ним. Он тебе там всё покажет.

Так как Агата не раз ночевала и у Кучерявого тоже, она «всё» в его квартире знала неплохо, но спорить не стала: с Витьком веселее, заодно о поэзии побазарят. О поэзии поговорить никогда не лишнее.

Часть вторая. «Бесовщина какая-то...»

*Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны.
(М. Булгаков)*

Глава 1. Примерно с 13 апреля

На кухне верховодила Галина. Она постоянно что-то пекла, жарила, месила, из-за чего по квартире разносились приятнейшие запахи. Время от времени Фаланд надиктовывал ей тексты – на стол водрузили пишущую машинку «Ундервуд» производства 1896 года. Галина, что есть мочи, тарабанила по клавишам, с грохотом передвигая каретку. Затем листки, напечатанные под копирку, передавались Афранию, который подшивал их в соответствующие папочки. В комнате заседала «редакция». Так как на дверь квартиры решили прибить табличку «Мосэк, редакция Теодора Фаланда», потихоньку среди литераторов об этом прошел слух. И когда в квартиру потянулись авторы, пришлось в комнату посадить Флюшку и Фиелло для приема посетителей. Вскоре на входной двери появилось объявление: «Рукописи принимаются только в распечатанном виде», ниже: «Прием рукописей с 10.00 до 19.00. Перерыв на обед с 13.00 до 14.00. Выходные дни: суббота и воскресенье», еще ниже: «Основная тематика редакции: демонология, мистификации, происхождение человека, ад и прочие смежные темы». Сбоку болтался листок с нарисованной на нем театральной маской и надписью: «Бал-маскарад. Без масок не входить».

Сначала литератору следовало подходить к столу Флюшки – это был письменный стол Кучерявого. Флюшка бегло просматривал название и первые листки. Иногда швырял рукописи обратно авторам, громко выкрикивая:

– Не по теме! Графомань! Вам только заявления в полицию писать!

Иногда отправлял литератора с рукописью к столу Фиелло. Тот сидел в нарукавниках за низеньким журнальным столиком Кучерявого, отчего авторам приходилось нагибаться, чтобы продиктовать свои данные. В огромный гроссбух Фиелло записывал фамилию, имя, отчество сдавшего рукопись, дату приема рукописи, название произведения. Автор расписывался, на рукопись ставилась большая печать, выправленная по случаю («Издательство Мосэк. Редакция Теодора Фаланда»). Компьютеров в этой квартире не признавали. Единственный ноутбук увез с собой Кучерявый, нового не покупали по причине полного отрицания подобного ведения дел.

На лестничной клетке, к неудовольствию соседей, с раннего утра выстраивалась очередь. В самые первые дни нашествия писателей Афраний вышел из квартиры с банкой желтой краски и разлиновал пространство от лифта до квартиры, затем приклеил надписи: «Соблюдай дистанцию!». Так как литераторы очень быстро перестали пользоваться лифтом, и очередь змейкой спускалась по лестничным пролетам, то на ступеньках аналогичным образом пришлось нарисовать желтые полоски и приклеить надписи. В семь вечера допуск авторов в квартиру прекращался. Первый в очереди всегда умолял пустить его: «Меня пустите, я тут с утра. Одного человека всего! Еще без пяти минут!..» Но Флюшка клал свою мохнатую лапу на грудь говорившего, и тот успокаивался, по его лицу растекалась глупая улыбка. Писатель видел перед собой кошачью лапу, думал о переутомлении, кивал, забывая, чего кричал. Стоявшие позади, из-за дистанции, за соблюдением которой строго следил Афраний, ничего толком не понимали, кроме того, что редакция до завтра закрыта. Большинство, написав номер очереди на ладони, уходило. Однако стоявшие в первых рядах устраивались на полу, подложив под тело заранее припасенные картонки или коврики для занятий фитнесом. На свободном метровом пространстве расстилалась газетка или одноразовая скатёрка. Народ доставал из котомок бутерброды, огурчики, звенели бутылки. Литераторы принимались за еду, одновременно рассказывая друг другу разные истории, в том числе о требованиях редакции Теодора Фаланда, разительно отличавшихся от требований редакции, например, Алены Пономаренко.

В один из теплых апрельских дней терпение соседей лопнуло, и они вызвали полицию.

– Господа, позвольте, – полицейский, пришедший с проверкой, с трудом проходил от лифта к квартире. Соблюдение дистанции вполне позволяло преодолеть этот отрезок пути без

особых проблем, но в каждом человеке литераторы видели коллегу, желавшего прорваться в редакцию без очереди, поэтому полицейского нещадно тормозили через каждый метр, выкрикивая оскорбления: «Тоже мне интеллигент выискался!», «Куда прёшь, тут живая очередь!», «Начало очереди на первом этаже!» и классическое «Вас тут не стояло! Я всех помню в лицо!». Полицейский терпеливо показывал удостоверение и повторял, что идет он по заявлению соседей.

Оказавшись возле двери, полицейский хотел было позвонить, но дверь, как по волшебству, распахнулась и Галина в белом фартучке, поблёскивая лубутенами, томно произнесла:

– Прошу вас, заходите, так вас ждали!

Полицейский вошел, Галина тут же захлопнула дверь перед носом у очередного автора и повернулась голой спиной к служителю порядка.

– Сюда проходите, пожалуйста, – проворковала она, заходя на кухню. – В комнате у нас редакторы, они нервные. Такова уж тяжкая работа с писателями. А здесь вы совершенно спокойно побеседуете с господином Фаландом. Он у нас за главного.

На кухне во главе стола восседал Фаланд, облачившийся в белую рубашку и черные джинсы. Машинку переставили на подоконник. Фаланд размашисто подписывал какие-то бумаги.

– Добрый день! – громко сказал полицейский. – Жалуются тут на вас. И справедливо жалуются, господин Фаланд. Более того, мы звонили в издательство. Они вас не знают и не уполномочивали превращать квартиру поэта Кучерявого в отдел редакции.

– Ох, что ж вы стоите-то! – неожиданно позади полицейского нарисовался Флюшка Мурр. Он начал лапой подталкивать служителя закона к стулу. – Сядайте, сядайте. В ногах правды нет.

Полицейский плюхнулся на стул. Фаланд оторвался от бумаг.

– Значит, говорите, в издательстве не уполномочивали? Может, вы не туда позвонили? Не тот номер набрали? Сейчас выясним. Галина, будьте добры, позвоните в МосЭК.

Взяв со столешницы городской телефон с длинным проводом, Галина тоже села за стол и начала набирать номер, крутя диск карандашом.

– Алло, – протяжно произнесла она, – беспокоит редакция Теодора Фаланда на выезде. К нам пришел полицейский и утверждает, что вы нас не уполномочивали превращать квартиру поэта Кучерявого в отдел редакции. Дать трубочку? Момент! – Галина передала трубку полицейскому: – Вас!

Все это показалось ему довольно странным, но трубку он взял:

– Алло, капитан Ефремов, шестьдесят шестое отделение. Да?.. Да, хорошо... Но я же звонил вам буквально час назад... Да?.. Понял. Но... Нет, соседи недовольны... Хорошо. До свидания. – Он положил трубку на древний телефон и кивнул: – Все уладилось. В редакции подтвердили, что уполномочивали. Вот только соседи ваши жалуются. Если бы не люди в подъезде...

– Не волнуйтесь, – встрял Фаланд, – с соседями мы разберемся. Успокоим. Фиелло! – крикнул он, и тут же в проеме кухни появился парень в коротких узких брюках, кедах на босу ногу и футболке, на которую был надет кургузый желтый пиджачок. – Друг мой, – обратился к нему Фаланд, – что ж ты раньше не сообщил, что мы беспокоим господ соседей! Пойди, разберись там с ними, объясни важность русской литературы для народа. Скажи, пока господин Кучерявый в творческом отпуске пишет для нас роман, мы тут обосновались. Для развития бумажной книги, скажи. Иначе помрет она без нас, сдавшись на милость электронной. Впрочем, ты знаешь, что сказать. Ступай.

Фиелло крутанулся на пятках так, что показалось, у него искры из-под ног полетели, и исчез с глаз долой.

– Водочки? – предложила полицейскому Галина, а Фаланд продолжил подписывать бумаги. – Есть закусочка. – Она поставила перед капитаном стакан водки и тарелку с холодцом. – Угощайтесь.

Полицейский хотел было отказаться, но рука сама потянулась к стакану, потом к холодцу... Когда он вышел из квартиры, на лестничной клетке никого не осталось. Он медленно побрел к лифту, поехал вниз, вышел во двор и с удивлением обнаружил, что свечерело. Вокруг тускло горели фонари. Где-то вдали, в церкви начали бить колокола. Капитан достал мобильник и увидел, что не просто свечерело – уж полночь близилась. Он попытался заставить себя идти в отделение, однако, ноги сами понесли домой. Там он нашел в своем портфеле чекушку водки и контейнер с котлетами. Сел, выпил, съел котлеты и забылся тяжелым сном. Назавтра с больной головой пришел в отделение. В тонкой папке, где лежало заявление соседей Кучерявого, теперь было подшито еще несколько листков: справка из Мосэк об уполномочивании редакции Теодора Фаланда превратить квартиру поэта Кучерявого в отдел редакции на время творческого отпуска последнего, с печатью и подписью, заявление от соседей об отсутствии с их стороны претензий к редакции и его собственный отчет о проделанной работе...

«Ничего не помню», – подумал капитан Ефремов и наказал себе стараться на службе не пить.

Соседей, действительно, больше литераторы не беспокоили. Все они – и одинокая учительница математики Анна Владимировна, и скрипачи, муж с женой Новарские, и семья медсестры Телегиной – получили от редакции билеты на поезд и путёвки в пансионат «Южные вязи» на год. По месту работы соседей не смогли отказать горячим мольбам Фиелло и дали своим работникам оплачиваемые отпуска с надбавкой за пребывание в южной части Российской Федерации. Флюшка Мурр тут же облюбовал себе однокомнатную квартирку Анны Владимировны, которая являлась зеркальным отражением квартиры Кучерявого. Афраний решил обосноваться у скрипачей в двухкомнатной. В холле этой квартиры стояло пианино, на котором Афраний теперь периодически музицировал вечерами. Фаланд, по старшинству, переехал с Галиной в трешку медсестры. Фиелло остался в квартире Кучерявого – нравилось ему жить прямо на рабочем месте. После улаживания конфликта с соседями на лестничной клетке опять появились ночующие писатели. Иногда сердобольная Галина выносила им выпить и закусить, а Флюшка выносил складной стул и присаживался перетереть с ними о судьбах русской литературы, которая, благодаря усилиям редакции Теодора Фаланда, имела весьма радужные перспективы.

Уладив текущие вопросы, теперь Фаланд мог заняться писательским союзом, нагло исключившим из своих рядов поэта Кучерявого. Собрание по данному вопросу он назначил на утро следующего дня. На двери Фиелло повесил объявление: «Санитарный день. Идут технические работы», что ввергло стоявших в очереди в состояние полного отчаяния. Чуть позже из квартиры выскочил Флюшка с маркером фиолетового цвета и размашисто написал на объявлении: «Дезинфекция». Писатели хором спросили:

– Ковид?!

– Нет, – ответил Флюшка Мурр. – От графоманов дезинфицируем. Это заразно.

Литераторы закивали с пониманием: что за напасть такая «графомания» никто толком не знал, но все относились к данной мании настороженно и сугубо отрицательно. Те, кто, якобы в шутку, сами себя называли графоманами, на деле всегда ждали от окружающих отрицания этого постулата: «Ну что ты! Какой же ты графоман! Ты настоящий писатель!». Остальные предпочитали вообще такого не говорить, чтоб не слазить и могли морду набить тому, кто в лицо обозвал бы их графоманами. Слова Флюшки возымели свое действие. На всякий случай писатели с лестничной клетки на время дезинфекции ушли от греха подальше, а то мало ли – вдруг, действительно, заразно.

Собрание начали с доклада Афрания, который заранее собрал информацию по делам располагавшихся в Москве писательских союзов.

– За истекший столетний период в творческой сфере практически ничего не изменилось, – констатировал Афраний. – Однако, при ближайшем рассмотрении, изменения есть, и они весьма удручают. – Афраний достал из пиджачка сложенную в несколько раз бумажку и приготовился зачитывать: – Пункт первый. Поборы при вступлении в писательские союзы. Принимают всех подряд, лишь бы заплатили. Пункт второй. Торгуют наградами имени классиков русской и зарубежной литературы. Третье. Торгуют местами на литературных конкурсах...

Неожиданно Афрания прервал подозрительный звук – показалось, кто-то ворочает ключом в двери.

– Принесла нечистая сила, – вздохнул Флюшка.

– Ничего мы не носили! – возмутился Фиелло. – Неправда ваша, поклёп!

В двери продолжали елозить ключом. Фаланд сосредоточенно посмотрел в сторону коридора и покачал головой.

– Упустили. Увлёклись редакционной работой, – признал он. – Развели, понимаешь, бюрократию. А теперь к нам ломится Виктор Поляна с какой-то девицей.

Флюшка Мурр поводил носом, пошевелил усами.

– Это поэтесса Агата Агафонова, – сделал он вывод на основании чувственного восприятия окружающего пространства. – Хочет здесь поселиться, пока господин Кучерявый пишет роман в элитном санатории.

– Как поселиться?! – всплеснула руками Галина. – Поздновато спохватилась, голубушка! Тут поселились мы!

– Симпатичная? – спросил Флюшку Фиелло.

– Вполне в нашем стиле, – кивнул Флюшка. – Демоница. Ведьма, проще говоря.

Копошение на лестничной клетке не прекращалось. Следовало предпринять меры.

– Так, ладно. Запускайте, – принял решение Фаланд.

Ключ в двери загадочным образом перестал бесполезно елозить. Щелкнул замок, и в коридор вошли Витёк с Агатой. Они уж было потеряли надежду, а Витёк даже подумал, что перепутал ключи, но тут дверь распахнулась.

– Простите, на каком основании... – начал петушиться Поляна, успевший прочесть на двери все объявления редакции. – Вам не давали никакого разрешения!

Фаланд, вышедший из кухни в коридор поприветствовать гостей, поспешил успокоить Витька:

– Разрешение давали. Неужели ваш друг не помнит?

К своему стыду Витёк вспомнил, как Арни говорил что-то такое.

– Вот видите! – Из-под руки Фаланда появилась кошачья морда, однако, Витёк принял её за глюк, так как через секунду морда приняла вид совершенно человеческого, хотя и продолжала смутно напоминать кота. – Мы тут мирно делаем свои дела. Ничего страшного. И шеф прав, – указал Флюшка на Фаланда, – ваш друг уполномочил нас превратить свою квартиру в помещение для редакции на время своего творческого отпуска.

– А у вас бумага соответствующая есть? – спросила Агата, которой было крайне обидно упускать возможность пожить отдельно от подруг.

Афраний полез в карман пиджака и вытащил ту же бумажку, которую начал зачитывать незадолго до прихода незваных гостей.

– Натё! – протянул он бумагу Агате.

Та с удивлением обнаружила написанное Кучерявым заявление о предоставлении своей квартиры редакции Теодора Фаланда на время его творческого отпуска, который он намеревается провести в элитном санатории «Заоблачные дали». На бумаге, зарегистрированной за номером 224466613, стояла печать нотариальной конторы и подпись юриста со странной рас-

шифровкой в скобках: Ведун Мегерович Черномагов. Флюшка заглянул через плечо Агаты и фыркнул. Вернувшись к Фаланду, он быстро что-то зашептал ему в ухо. Тот поманил Афрания.

– Никого другого в юристы позвать не мог? – спросил Теодор Хора, стараясь говорить потише.

– Шеф, только этот смог подписать. Срочно же понадобилось. Кто ж знал! А Ведун Мегерович всегда готов, всегда на посту. – И Афраний ловко выхватил бумажку из рук Агаты.

– А что ж мы людей маринуем в прихожей! – воскликнула Галина. – Пойдемте на кухню. Я там наготовила. Поедим по-людски.

Помнил Витёк кухню слегка другой – поменьше, погрязнее, со старой мебелишкой. Теперь перед его взором возникло несколько иное помещение. Ладно, размер: что чуть больше стала, могло и померещиться – с глазомером у Витька всегда было напряженно. Но вот остальное! На окнах висели тяжёлые портьеры темно-бордового цвета, напоминавшие занавес Большого театра, по праву руку вместо заляпанной газовой двухконфорки красовалась блестящая панель...

– Индукционная плита, последняя модель, зажигается по двойному щелчку пальцев обеих рук, – объяснила Галина, словно прочитав его мысли.

– А выключается как? – растерянно спросил Поляна.

– Выключается? – задумалась Галина.

– А зачем нам её выключать! – спас положение Флюшка. – Галочка у нас такая затейница, такая кулинарка! Готовит и готовит! Да вы сами сейчас убедитесь!

Тут внимание Витька переключилось на стол, стоявший слева от него. Стол явно был больше старого, при этом овальной формы, а сделан из материала, похожего на мрамор. Вокруг стола стояли деревянные стулья с высокими спинками. Снова в голове пронеслась мысль о несоизмеримости данной мебели с прежними размерами кухни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.